

ФАНЬ ИПИН ГОРА ТЯНЬДЭНШАНЬ

РОМАН

НОВЫЙ ВЕК
КИТАЙСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

新世纪中国文学

Новый век китайской литературы

Фань Ипин

Гора Тяньдэншань

«Гиперион»

2016

ББК 84(5 Кит)

Ипин Ф.

Гора Тяньдэншань / Ф. Ипин — «Гиперион», 2016 — (Новый век китайской литературы)

ISBN 978-5-89332-308-5

«Гора Тяньдэншань» (2016) – уже шестой роман популярного китайского писателя Фань Ипина. Это полицейский детектив с элементами любовной и социальной драмы. Такая многоплановость позволила автору в рамках остросюжетной истории затронуть болевые точки современного Китая – коррупцию и моральное разложение, трудовую миграцию и распространение наркотиков. Впервые на русском языке.

ББК 84(5 Кит)

ISBN 978-5-89332-308-5

© Ипин Ф., 2016

© Гиперион, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Фань Ипин

Гора Тяньдэншань

Издание осуществлено при поддержке Гуансийского университета национальностей
Ответственный редактор А. А. Родионов (СПбГУ)

© Fan Yiping, 2018

All rights reserved.

© Митькина Е. И., перевод, 2018

© Издательский Дом «Гиперион», 2018

* * *

Глава 1

Очарование подозреваемой Лун Мин

Посвящается тем, кого любили и кто испытывал любовные мучения

Офицер полиции Вэй Цзюньхун полагал, что заключение о естественных причинах смерти крупного коммерсанта Линь Вэйвэня было неверным. Его убили – случайно или преднамеренно. Более того, в этом можно заподозрить директрису начальной школы Лун Мин, хоть у нее и есть доказательства, что в момент смерти Линь Вэйвэня ее не было на месте преступления.

Начальник управления Нун Гао неспешно выпустил изо рта струйку дыма, затянулся и снова выдохнул. Его рот напоминал трубу, через которую выходит дым от сырых дров. Презрительный взгляд был скрыт завесой струящегося дыма и не достигал Вэй Цзюньхуна, зато голос начальника был слышен всем.

– То есть ты хочешь сказать, что Лун Мин обладает способностью убивать на расстоянии или силой мысли? Ты фильм «Начало»¹ пересмотрел, что ли? Сколько раз ты его смотрел?

Все присутствующие, кроме Вэй Цзюньхуна, насмешливо улыбнулись, словно единомышленники начальника, мгновенно и четко реагируя на его слова.

– Я не это имел в виду, – ответил Вэй Цзюньхун. Молодой полицейский докладывал стоя: у него еще не было соответствующего статуса и опыта, чтобы сидя отчитываться перед лицом начальства и старших товарищей. – Я имел в виду... Я даже не знаю, как сказать... «Начало» я смотрел три раза, но полагаю, к данному делу это не имеет...

– Выпусти ее из-под стражи!

Приказ начальника Нун Гао был решительным и бесповоротным.

Когда Лун Мин вышла из полицейского участка уезда Цзинлинь, солнце уже клонилось к закату, и красный диск над вершиной горы напоминал жемчужину на ладони. Его лучи в этот момент были особенно яркие, режущие глаза подобно последней вспышке электрической лампы перед тем, как перегореть. Заходящее солнце освещало только половину полицейского участка, где, словно цветок подсолнуха, обращенного к солнцу, стояла Лун Мин. На темной и прохладной половине, куда солнечные лучи не могли дотянуться, сидели или стояли остальные люди. Здание полицейского участка уезда Цзинлинь, перестроенное из бывшей резиденции местного главы администрации, в этот момент четко делилось на черное и белое – словно символ Инь-Ян².

Вэй Цзюньхун шел за Лун Мин, будто телохранитель какой-нибудь телезвезды или политика, оберегая эту изящную, строгую и красивую директрису начальной школы. Он предупредил ее о ступеньках, потом подсказал, что нужно идти направо, да еще и рукой указал, куда именно.

Лун Мин, увидев ворота участка, остановилась и, не поворачивая головы, произнесла:

– Я сама дойду.

---

¹ «Начало» – фильм Кристофера Нолана (2010), главные герои которого используют особые приемы для извлечения нужной им информации путем внедрения в сны других людей, а также для воздействия на них.

² Символ *Инь-Ян* представляет собой круг, разделенный волнистой линией на две половины – черную и белую, внутри круга также находятся две точки, расположенные симметрично (черная на белом фоне и белая – на черном). Белая часть символа – это активное мужское начало *Ян*, а черная – пассивное женское начало *Инь*. Данный знак – символ единства противоположностей, которые и дополняют друг друга, и не могут существовать отдельно.

– Я вас провожу, – настоял Вэй Цзюньхун.

Лун Мин повернулась и посмотрела на этого высокого и мужественного полицейского.

– Если вы делаете это из-за чувства вины, что подозревали и несправедливо обвиняли меня, то не стоит.

– Мой начальник велел вас проводить, – ответил Вэй Цзюньхун.

Старая полицейская машина под управлением Вэй Цзюньхуна медленно ехала по дороге в Налян, на которой велись работы по ее расширению; пыль и вечерний ветер волнами врываются в машину. Вэй Цзюньхун несколько раз закрывал окно, но потом был вынужден снова его открывать, потому что кондиционер сломался. Он никак не мог выбрать между прохладой и чистотой: выберешь прохладу – будешь глотать пыль, выберешь чистоту – умрешь от духоты.

Молчавшая всю дорогу Лун Мин, глядя на возню Вэй Цзюньхуна с окном, не выдержала:

– Пусть будет открыто.

Он взглянул на покрытую пылью Лун Мин:

– Простите.

Лун Мин не ответила, снова погрузившись в молчание.

– Начальник участка велел мне вас проводить, а хорошую машину не выделил, – пошутил Вэй Цзюньхун, пытаясь разрядить атмосферу. – Судя по всему, он считает, что я не заслуживаю хорошей машины. Как говорится, только хороший конь достоин лучшего седла, видимо, конь из меня никудышный. – Договорив, он внезапно расхохотался над своей же шуткой.

Лун Мин посмотрела на него как на идиота или душевнобольного.

Старая полицейская машина продолжала ехать на юг, до Наляна оставалось еще около пяти километров.

Вдруг Лун Мин попросила:

– Можете остановиться?

Вэй Цзюньхун выполнил ее просьбу.

Она вышла из машины и пошла к склону у обочины. Внизу протекала горная река, которая в лучах заходящего солнца была похожа на огромного удава. Лун Мин спустилась вниз и начала умыться в реке и причесываться. Вэй Цзюньхун не видел, как она это делала, он лишь смутно различал ее покачивающийся силуэт вдаль и слышал грохот реки. Он мог только представлять, как она причесывается и умывается, и пришел к выводу, что Лун Мин – женщина, которая любит и ценит чистоту и красоту, поэтому перед прибытием хотела привести себя в порядок, чтобы выглядеть как всегда хорошо.

И действительно, вернувшись в машину Лун Мин выглядела посвежевшей, Вэй Цзюньхун даже уловил запах чистоты: ветер донес до него аромат ее тела, в котором уже не было примеси пыли. Глядя в сумерках на женственные очертания ее фигуры, он представлял, насколько она прекрасна.

Последние пять километров Вэй Цзюньхун больше не открывал окно, он не мог допустить, чтобы в салон ворвалась пыль и запачкала чистую Лун Мин. Сейчас он понял, что Лун Мин просила его открыть окно для того, чтобы ему было прохладно.

Пять километров пронеслись быстро, показался Налян. Огни этого приграничного городка напоминали мерцание угля в разгар суровой зимы. Полицейская машина въехала в город, привлекая внимание тех, кто был в этот час на улице, и даже те, кто сидел дома, тоже вышли посмотреть. Они внимательно следили за машиной, возмущенно и беспомощно, словно наблюдали за хищником, который спускается с гор, чтобы напасть на людей и домашний скот, но при этом охраняется государством. Вчера они видели, как эта машина, подобно тигру, который уносит в зубах ягненка, увезла их любимую директрису начальной школы, и сейчас у них был такой же взгляд, как и вчера, – они подумали, что хищник не наелся и прибыл за новой жертвой. Но когда люди заметили, что в машине сидит их любимая директриса, выражение их

глаз изменилось, они засияли от радости. Полицейский сначала увез директрису Лун, потом привез обратно, а это значит, что она невиновна и никого не убивала. Разве она может убить человека? Разве это возможно? Ведь она – очень добрый человек. Настолько добрая, что ей даже зарплаты не надо, она отдает ее нуждающимся ученикам. Настолько добрая, что в свои двадцать девять лет не вышла замуж, потому что посвятила себя заботе о тесной разваливающейся школе.

На улице образовался затор. Все больше и больше людей выходило на дорогу, они окружили полицейскую машину, которая двигалась медленнее коровы. Отношение людей изменилось, теперь эта машина была боевым конем, вернувшимся с триумфом, ее следовало оберегать, но на самом деле они приветствовали свою прекрасную и добрую директрису Лун Мин. Стоявшие ближе остальных люди дотрагивались руками до капота и окон автомобиля, выражая свою заботу и внимание. Все окна были залеплены их большими и маленькими ладонями, которые, словно влажные полотенца, вытерли пыль.

Вэй Цзюньхуну пришлось открыть окно, чтобы люди увидели Лун Мин. По их горячему порыву он уже понял, что воле народа нельзя идти наперекор. Некоторым удалось увидеть директрису; их глаза, как вспыхивающие лампочки, излучали наполненное радостью сияние. Вероятно, потому что они увидели, что лицо ее свежо, как персик, она так же прекрасна и улыбается, как раньше, и одежда такая же чистая и аккуратная. Это значит, что ее не мучили и не пытали в полицейском участке, не выбивали признание силой, она – невиновна.

Чтобы жители Наляна окончательно поверили и в знак приветствия, Лун Мин вытянула правую руку из машины. Она свободно, словно светящейся палочкой, махала рукой, на которой не было наручников; люди наперебой стали хватать ее за руку, пожимать ее, не в силах отпустить.

Вэй Цзюньхун впервые увидел такое почтение и любовь, которые жители Наляна испытывали к Лун Мин. Он радовался, что открыл окно, и еще больше радовался, что разрешил Лун Мин выйти и привести себя в порядок у горной реки. Иначе горожане, увидев директрису со спутавшимися от ветра волосами, покрытую пылью и с неопрятной одеждой, точно перевернули бы или даже разбили его машину. Вэй Цзюньхун поначалу полагал, что Лун Мин расчесывалась и умывалась просто для того, чтобы поддержать свою красоту, не понимая, что она делала это ради него и его старой полицейской машины, стараясь избежать агрессии и порчи имущества со стороны жителей города, которые четко знали, кого они любят, а кого ненавидят.

Вэй Цзюньхун невольно бросил примирительный взгляд на Лун Мин. До этого он смотрел на нее либо с подозрением и презрением, либо агрессивно и даже зло – какая бы она ни была красавица, он все равно относился к ней именно так.

Смерть богача Линь Вэйвэня, возможно, – сейчас можно было сказать лишь слово «возможно», – имела какое-то отношение к красавице Лун Мин.

За десять дней до этого, а именно двадцать шестого июня в десять часов утра, председатель правления корпорации «Фэйлун» (что означает «Летающий дракон») Линь Вэйвэнь был обнаружен мертвым в номере 1101 отеля «Меконг» уездного города Цзинлинь.

После сообщения о страшной находке Вэй Цзюньхун и замначальника уездного полицейского управления, а по совместительству начальник угрозыска Хуан Инъу сразу же прибыли в отель.

В номере 1101 Вэй Цзюньхун впервые увидел Линь Вэйвэня не по телевизору. Крупнейший застройщик и благотворитель уезда Цзинлинь сейчас предстал взору полицейского лежащим на животе на кровати в одних трусах, как простой, заурядный человек. Эти трусы, отличающиеся золотом, обтягивали его ягодицы – не большие и не маленькие, – словно не до конца снятая с двух концов кожура банана. Оказалось, что Линь Вэйвэнь был лысым! А в телевизоре у него была шевелюра. Вэй Цзюньхун сразу нашел на прикроватной тумбочке аккуратно лежа-

ший парик. Этот мужчина, голова и волосы которого лежали сейчас далеко друг от друга, был похож на разделенные части символа Инь-Ян. После того как были сделаны все необходимые фотографии, Вэй Цзюньхун руками в перчатках перевернул тело, и все присутствующие увидели лицо погибшего – оно было мертвенно-бледным со все еще открытыми глазами. Выпученные глазные яблоки напоминали два снаряда, застрявших в стволе пушки, и это означало, что перед смертью он испытывал ужасные мучения. Скорее всего, эта агония длилась недолго, все кончилось быстро, иначе вся постель была бы смята, настольная лампа, чашки и телефон были бы опрокинуты или упали бы на пол, и, возможно, у Линь Вэйвэня даже был бы шанс позвать на помощь. Мобильник лежал в изголовье кровати, в пяти сантиметрах от вытянутой левой руки погибшего, это говорило о том, что он пытался позвать на помощь, но не смог. Смерть не захотела слишком его мучить и мгновенно разрушила его надежду на спасение. На теле не было никаких шрамов или рубцов, не считая родинки размером с серебряный юань³, значит, он умер не из-за травмы, а вот из-за чего именно – это можно будет узнать лишь после вскрытия.

Заключение пришло через двадцать четыре часа: у погибшего случился обширный инфаркт миокарда вследствие коронарного тромбоза; исключены такие факторы неестественной смерти, как самоубийство, убийство, отравление, анафилактический шок, механические повреждения. Это была внезапная кардиогенная смерть. Время смерти – примерно за десять часов до вскрытия, то есть в два часа ночи двадцать шестого июня.

Родственники Линь Вэйвэня не хотели принимать такое заключение экспертизы. Они уже прибыли в уездный город и хором устроили скандал в гостинице, в которой остановились, метали громы и молнии, не веря, что их любимый и родной человек умер от естественных причин, и утверждали, что его убили. Начальник угрозыска Хуан Инъю и судмедэксперт, выдавший заключение, Лань Нин не знали, плакать им или смеяться, они испытывали такую же неловкость и беспомощность, какую испытывает учитель перед нагловатым учеником, получившим ноль баллов за экзаменационную работу.

Вэй Цзюньхун бесстрашно выступил вперед, чтобы помочь начальнику и коллеге выйти из затруднительного положения. Он обратился к родственникам погибшего:

– Я бы тоже хотел, чтобы это оказалось убийство, потому что за раскрытие преступления мне дали бы знак отличия. Особенно когда дело касается такого важного человека, как директор Линь. Если бы это было убийство и я бы раскрыл дело, то весь коллектив получил бы награду второй степени, а я лично – как минимум третьей. Но наши чувства и интуиция не должны заслонять науку. Сейчас наши технологии экспертизы и анализа патологических процессов находятся на самом передовом уровне. Как только что сказал судмедэксперт Лань, были исследованы биохимические данные путем измерения соответствующих показателей гибели клеток сердечной мышцы – кардиомиоцитов, и это лучший способ среди диагностических методов определения внезапной кардиогенной смерти. Сейчас в мире нет другого метода, который превосходил бы этот. Таким образом, показатели гибели кардиомиоцитов соответствуют показателям при внезапной кардиогенной смерти. Принять этот научный вывод – единственное разумное решение. Мы все считаем, что смерть начальника Линя случилась слишком внезапно, и это очень печально. Он был счастливой и спасительной звездой нашего уезда, и сейчас, когда эта звезда упала с небосклона, все жители нашего уезда скорбят вместе с вами. Пожалуйста, примите наши соболезнования и примиритесь с его уходом.

Произнося последнюю фразу, Вэй Цзюньхун подошел к родственникам и каждому пожал руку, будто какой-то уверенный в себе начальник.

Сын Линь Вэйвэня, которому было двадцать с небольшим лет, глядя на этого «начальника», ненамного старше его самого, примирительно спросил:

---

³ Серебряный юань имел хождение в начале XX в. По размеру был больше современного китайского юаня.

– А вы?..

– Вэй Цзюньхун.

– Начальник угрозыска Хуан Инъю вышел вперед и сказал:

– Это лучший полицейский в управлении уезда Цзинлинь. Он с отличием окончил Академию уголовного процесса и следствия Народного университета общественной безопасности КНР.

– Это дополнение было очень кстати. Родственники Линь Вэйвэня переглянулись и успокоились, больше не протестуя. Они вроде бы смирились с тем, что их родственник умер естественной смертью. Потом они отправились заниматься похоронами и, возможно, решать дела с наследством. Ведь Линь Вэйвэнь уже умер, его назад не вернуть, но после него осталось многомиллионное состояние, которым следовало распорядиться и распределить, а это дело трудное и щекотливое.

– Эксперт Линь Нин пригласил Вэй Цзюньхуна выпить вместе в уличной закусочной, чтобы поблагодарить за помощь в затруднительной ситуации с родственниками Линь Вэйвэня. Его благодарственные слова вместе с вином стакан за стаканом вливались в его собственный желудок и желудок Вэй Цзюньхуна.

– После третьего стакана Вэй Цзюньхун сказал:

– Достаточно. Это пустяк, зачем так долго благодарить? – Пристально посмотрев на Лань Нина, он сказал: – А вот у меня есть вопрос.

– Спрашивай.

– Могут еще какие-то факторы вызвать внезапную кардиогенную смерть, кроме проблем с миокардом?

– Могут! Например, усталость или лекарственные препараты.

– Линь Вэйвэнь не похож на человека, который мог умереть от усталости. Не может быть и речи о чрезмерном распутстве. На кровати не замечено присутствия женщины, не было следов спермы, и в желудке не был отмечен алкоголь.

– Внезапную кардиогенную смерть могут вызвать несколько лекарств, я знаю пять типов. Первый – это сердечные гликозиды. В китайской медицине они используются при лечении застойной сердечной недостаточности, наджелудочковой недостаточности, мерцательной аритмии – фибрилляции и трепетания предсердий. Но у этих лекарств серьезные побочные и токсические эффекты. Если пациент примет слишком большую дозу, то у него разовьется отравление препаратами наперстянки⁴, а затем появятся симптомы нарушения ритма сердца, атриовентрикулярной блокады или застойной сердечной недостаточности. Если вовремя не оказать первую помощь, люди с отравлением препаратами наперстянки могут умереть от мерцания желудочков. Второй тип – антиаритмические препараты. Они оказывают разные физиологические действия, могут эффективно отрегулировать сердечный ритм, убрать симптомы аритмии. Но если больной с нарушением сердечного ритма будет принимать такие лекарства ненадлежащим способом, то это вызовет кардиопатию и даже внезапную смерть. Третий тип – противоастматические препараты, которые разным фармакологическим действием могут эффективно смягчить симптомы астмы. Но если их принимать неправильно, то симптомы астмы не только не ослабнут, но и возможно проявление иных заболеваний, и пациент даже может умереть. Четвертый тип – препараты для коррекции водно-электролитного баланса. Они применяются для восполнения электролитов в организме человека и широко используются для лечения нарушений водно-электролитного баланса и его последствий. Если же больной с нарушением электролитного баланса примет чрезмерную дозу, то не только не вылечит уже имеющуюся болезнь, но и навредит функциям сердца, что может привести к смерти. Пятый

---

⁴ Наперстянка – травянистое растение, используется для изготовления препаратов, воздействующих на сердце, систему кровообращения и функцию мочеотделения.

тип – это антидепрессанты. Они блокируют нейронную передачу и эффективно ослабляют симптомы депрессии у больных. Но у таких лекарств очень сильные побочные эффекты: при приеме слишком большой дозы могут возникнуть брадикардия или снижение артериального давления, что вызывает синдром кардиогенной ишемии мозга и приводит к смерти.

Тонкие губы и язык Лань Нина, словно кухонный нож в руках нарезающего овощи повара, выдали эту речь на одном дыхании – слова сыпались как равномерные и точные удары ножа.

Вэй Цзюньхун сосредоточенно слушал, а потом выдохнул:

– Значит, Линь Вэйвэнь...

– Невозможно определить, – перебил Лань Нин. – Если он за три дня до смерти принимал эти лекарства, любое из них, то ни экспертиза, ни химанализ ничего не выявят.

– Значит, если бы он принял любое из этих лекарств за три дня, то оно могло привести к смерти?

– Да, если их принимать неправильно. – Лань Нин посмотрел на Вэй Цзюньхуна и внезапно как будто оцепенел. – Ты подозреваешь, что Линь Вэйвэня убили?

Вэй Цзюньхун не ответил. Он достал кошелек и подозвал официанта, чтобы расплатиться.

Лань Нин протянул руку с четками из дерева алоэ и перехватил кошелек Вэй Цзюньхуна:

– Мы же договорились, что это я вас приглашаю.

– В следующий раз, – ответил тот.

Список звонков и эсэмэсок в мобильном телефоне Линь Вэйвэня, словно гора шифровок, ждали, когда Вэй Цзюньхун их разберет и расшифрует.

Постепенно он выделил один номер, или, можно сказать, одного человека – Лун Мин.

Поначалу он не знал, что это Лун Мин, так как в списке контактов не было ее имени. Разбирая номера, Вэй Цзюньхун заметил, что один номер – 1315551**33 – повторяется чаще других, а эсэмэски с этого номера приходят странные, непонятного содержания. В списке контактов этот номер хранился под именем Сяо Янь, но после тщательной проверки оказалось, что настоящим владельцем номера была Лун Мин.

Почему Линь Вэйвэнь замаскировал Лун Мин вымышленным именем? Это было ласковое прозвище⁵, которое он ей дал? Если так, то это говорит о том, что их отношения были особенными, необычными. Затем Вэй Цзюньхун прочитал их недавнюю переписку:

Линь Вэйвэнь: Уже спишь? (2015.6.18 00:23)

Сяо Янь: Нет. (2015.6.18 00:25)

Линь Вэйвэнь: А что делаешь?

Сяо Янь: Готовлюсь к урокам.

Линь Вэйвэнь: Сто раз уже тебе говорил, что директор школы может не проводить занятия лично.

Сяо Янь: А я сто раз говорила, что не надо мне про это твердить.

Линь Вэйвэнь: Я думаю о тебе.

Сяо Янь: Ты думаешь о моих учениках.

Линь Вэйвэнь: И о них тоже. Помнишь план, о котором я тебе говорил? В ближайшее время он будет реализован. Ты готова?

Сяо Янь: Оставь меня в покое и оставь в покое моих учеников, прошу тебя и предупреждаю.

Линь Вэйвэнь: Предупреждения бесполезны.

Сяо Янь: Есть время? (2015.6.20 12:31)

---

⁵ Сяо Янь можно перевести как «Ласточка».

Линь Вэйвэнь: Это смотря для кого. Для тебя – есть. (2015.6.20 12:32)

Сяо Янь: Давай встретимся. (2015.6.20 12:32)

Линь Вэйвэнь: Окей.

...

Вэй Цзюньхун распечатал эсэмэски Линь Вэйвэня и Лун Мин и отдал их замначальника уездного полицейского управления и по совместительству начальнику угрозыска Хуан Инъу. Тот прочитал, выслушал умозаключения Вэй Цзюньхуна, почесал уже лысый, несмотря на то что ему еще не было и сорока, череп и произнес:

– Значит, значит...

– Я прошу разрешения допросить Лун Мин и провести расследование.

– Цзюньхун, – по-дружески сказал Хуан Инъу, – твои выводы и предположение довольно правдоподобны, а просьба – разумна. Однако сам посмотри: выдано ясное и четкое заключение о смерти Линь Вэйвэня по естественным причинам, и родственники его приняли. И у тебя тогда не было возражений. К тому же тело уже кремировали и провели панихиду. А ты сейчас постфактум выдвигаешь такое предположение. Тебе не кажется, что ты просто создаешь трудности на пустом месте?

– Замначальника Хуан, вы же знаете мой характер, – ответил Вэй Цзюньхун.

– Я знаю, – сказал Хуан, глядя не в глаза, а на его торс. – Прежде всего ты – человек с богатой фантазией. Во-вторых, ты – рассудительный человек, умеющий логически мыслить. И самое главное, ты – полицейский, который хочет проявить себя и добиться большого успеха. Ты – выпускник Народного университета общественной безопасности КНР, в нашем уезде Цзинлинь работаешь уже четыре года и до сих пор не сталкивался с каким-либо серьезным делом. Ты волнуешься из-за этого, я все понимаю. Линь Вэйвэнь – большой человек, он умер. – Хуан Инъу снова почесал свой гладкий и круглый череп. – Если ты подозреваешь, что его убили, то я тоже не могу выступать против этого, чтобы ты не подумал, что я глуп и некомпетентен. Так?

В тот день, когда Вэй Цзюньхун отправился в Налян за Лун Мин, а точнее вчера, шел сильный дождь. Он со своей коллегой Лу Яньэ на старой полицейской машине пробирались сквозь бурю; когда они прибыли в Налян, разгул стихии все еще продолжался. Плотный занавес дождя скрывал все предметы, и даже включенные фары не спасали. Вэй Цзюньхуну пришлось включить полицейские огни и сирену, чтобы хоть как-то продвигаться вперед, не опасаясь, что он кого-нибудь собьет или врежется в здание. Однако это вызвало дополнительную проблему: из-за включенной полицейской мигалки люди подумали, что полицейские приехали кого-то арестовывать. Вэй Цзюньхун с напарницей не собирались арестовывать Лун Мин, а всего лишь хотели отвезти ее на допрос или, можно сказать по-другому, попросить помочь следствию. Но жители Наляна так не считали. Раз приехали с мигалкой и сиреной, значит, точно арестовывать, собака ведь тоже без причины не лает. В городе действительно было кого арестовывать, за кем же приехали полицейские?

Жители городка и подумать не могли, что полиция приехала за директрисой начальной школы Лун Мин, за хорошим человеком Лун Мин. При свете молний и под грохот грома на глазах у многих людей ее посадили в полицейскую машину, словно прекрасную птицу в клетку, и увезли.

Лун Мин проводили в комнату для допросов, больше никаких действий для ее ареста не предпринималось, она могла выпить чаю или сходить в туалет – как будто ученика вызвали в кабинет учителя для разговора. Волнуется он или спокоен, зависит от его личных психологических качеств, а вот будет отношение к нему мягким или суровым – это уже зависит от учителя.

Вэй Цзюньхун вел себя словно бесстрастный и суровый учитель, хотя он был хорош собой, а рядом сидела улыбающаяся девушка-полицейский, которая должна была вести запись. Целью холодного взгляда и вступительной речи Вэй Цзюньхуна было вызвать страх:

– Лун Мин, «проявлять великодушие по отношению к тем, кто осознал свою вину, и строго наказывать тех, кто не признается в своей вине» – эту статью закона вы, должно быть, знаете с детства, я хочу вам напомнить ее и особо подчеркнуть, – начал Вэй Цзюньхун.

– Да, я знаю.

– В каких отношениях вы состояли с Линь Вэйвэнем? – решил он сразу перейти к делу и говорить без обиняков.

– А какие вы хотите, чтобы у нас были отношения? – ответила она вопросом на вопрос.

– Вы знаете, что Линь Вэйвэнь умер?

– Знаю.

– А как вы об этом узнали?

– Сначала до меня дошли слухи, а потом отдел образования прислал уведомление. Линь Вэйвэнь оказывал материальную помощь нашей школе, и мы послали венки.

– Вы были на панихиде?

– Нет.

– Почему?

– Потому что в школе сейчас проходят итоговые экзамены.

Вэй Цзюньхун посмотрел на спокойно отвечавшую ему Лун Мин и замолчал. Он взглянул на экран, на который выводилась запись, сделанная Лу Яньэ, потер ногти большим пальцем и внезапно спросил:

– Почему Линь Вэйвэнь звал вас Сяо Янь?

На лице Лун Мин не было ни замешательства, ни паники, она спокойно ответила:

– Потому что я похожа на его старую любовь, которую звали Сяо Янь.

Сердце Вэй Цзюньхуна вздрогнуло, словно поплавок у рыбака, он тут же задал следующий вопрос:

– Значит, и вы состояли с Линь Вэйвэнем в любовной связи?

– Нет.

– Сяо Янь – бывшая любовница Линь Вэйвэня, вас он называл ее именем, он отождествлял вас с ней. Разве это не любовная связь?

– Значит, он выдавал желаемое за действительное.

– Когда вы в последний раз виделись с Линь Вэйвэнем?

– Полмесяца назад, но в какой конкретно день, я не помню. – Лун Мин сначала опустила голову, потом подняла ее в раздумьях. – Двадцатого июня, да, во второй половине дня, должно быть ближе к вечеру, после семи часов.

– Где вы встретились? И с какой целью?

– В отеле «Меконг», – прямо ответила она. – Я пришла просить его оставить в покое моих учеников.

– А что у него было с вашими учениками?

Лун Мин слегка заколебалась:

– Он использовал их, чтобы торговать наркотиками.

Вэй Цзюньхун оторопел. Даже обычно доброе и мягкое лицо Лу Яньэ напряглось.

– У меня нет неопровержимых доказательств, – продолжила Лун Мин, – но то, что он использовал моих учеников, угрожал им, заставлял незаконно пересекать границу для провоза контрабанды – это факт. Я подозреваю, что он торговал наркотиками, потому что большая часть тех учеников, кого он использовал, стали наркоманами.

– Почему вы не обратились в полицию?

Лун Мин посмотрела Вэй Цзюньхуну в глаза:

– Потому что я считаю, что если бы вы, полицейские, строго соблюдали законы, то не стали бы смотреть сквозь пальцы на преступления Линь Вэйвэня.

– Вы хотите сказать, что мы, полицейские, потворствовали и покрывали преступления Линь Вэйвэня?

– Нет, просто моя жизнь и жизнь моих учеников была под угрозой. Это значит, что если бы я посмела обратиться в полицию, то я, мои ученики и их семьи могли бы оказаться в беде. Если бы Линь Вэйвэнь не умер, я бы не осмелилась так открыто разговаривать с вами, полицейскими.

Вэй Цзюньхун мгновенно уставился на нее, как будто пытаясь определить, правду ли она говорит.

Он почесал подбородок:

– В итоге, когда вы встретились с Линь Вэйвэнем, ваши просьбы и предупреждения оказались бесполезны, так?

– Верно.

– Поэтому у вас появилось желание убить его, что вы потом и осуществили?

– Нет, – спокойно ответила Лун Мин, – у меня не было возможности его убить.

Вэй Цзюньхун пристально посмотрел на нее:

– То есть вы бы хотели убить Линь Вэйвэня, просто у вас не было возможности? Вы признаете, что у вас был мотив убийства.

– Я желала его смерти, но его смерть не имеет ко мне никакого отношения, – сказала Лун Мин.

– Где вы были с двадцать пятого по двадцать шестое июня?

– В школе.

– Все время?

– Все время.

– Кто может это подтвердить?

– Триста с лишним учеников и учителей.

Она говорила твердо и уверенно, наверняка в момент смерти Линь Вэйвэня ее не было на месте преступления, подумал Вэй Цзюньхун.

– Во время вашей последней встречи вы давали Линь Вэйвэню лекарства? Что это были за препараты?

Лун Мин посмотрела на Вэй Цзюньхуна, в ее глазах наконец-то промелькнул испуг:

– Что вы сказали?

– Во время вашей последней встречи вы давали Линь Вэйвэню лекарства? Что это были за препараты?

– Я с ним просто разговаривала, возможно, некоторые слова были слишком резкими, ядовитыми – это можно считать препаратом?

Вэй Цзюньхун онемел, словно учитель, который спрашивал ученика, а тот внезапно сам бросил ему вызов, и ничего не придумать в ответ...

После долгого молчания Вэй Цзюньхун задал новый вопрос:

– Кто ваш соучастник?

– Какой соучастник?

– Лун Мин! – неожиданно резко сказал Вэй Цзюньхун. – Вы были инициатором убийства Линь Вэйвэня, наверняка у вас есть сообщники! Сколько их? Кто они?

Лун Мин без страха посмотрела на Вэй Цзюньхуна:

– Господин полицейский, можете меня пытать, но я вам вот что скажу: даже если вы меня изобьете так, что живого места не останется, я все равно не признаю, что убила человека. Я никого не убивала.

Естественно, Вэй Цзюньхун не собирался ее пытаться. Из-за своей глупости и беспомощности он оказался в таком положении, что не мог ее тронуть, оставалось лишь в рамках закона допрашивать ее и вести поединок умов. Самое большее, что он мог сделать, – это вымотать ее, не давать ей спать, включить свет поярче, выключить кондиционер, чтобы она устала, чтобы ей было душно и она занервничала. А он повторял бы одни и те же вопросы по кругу, а потом вдруг задал бы новый вопрос, и она от усталости, сама не понимая этого, ответила бы по-другому; или в ее показаниях обнаружились бы прорехи.

Допрос продолжался до двух часов ночи, никакого прогресса не было, или, можно сказать, по-прежнему не было прорыва. Лун Мин так и не признавала, что она убила Линь Вэй-вэня. Спокойно и неторопливо, со знанием дела и аргументированно она опровергала нападки оппонента, словно политик, на которого вылили ушат грязи, а он все равно знает цену своим словам и не меняет своего мнения.

Вэй Цзюньхуну пришлось остановить допрос и дать Лун Мин отдохнуть. В комнате для допросов стояла кровать, которая, как и остальные предметы, была застелена особым образом – обернута плотной пузырчатой пленкой; даже на стенах, дверях и окнах был слой резины, чтобы допрашиваемый или подозреваемый не могли убить себя.

Вэй Цзюньхун и его коллега Лу Яньэ вышли из комнаты и заперли ее снаружи. На самом деле они сами уже были измотаны: у Вэй Цзюньхуна закрывались глаза, его разбирала зевота сильнее и больше, чем кого бы то ни было, а Лу Яньэ, хотя и держалась благодаря тому, что выпила много крепкого чая, зато постоянно ходила в туалет. Эту битву они проиграли. Им не удалось вымотать директрису, которая сидела в комнате для допросов по-прежнему с ясной головой. Как она натренировалась не спать всю ночь?

Лу Яньэ отправилась домой, а Вэй Цзюньхун пошел в диспетчерскую, чтобы понаблюдать за камерами в комнате для допросов номер два.

Лун Мин лежала в одежде на кровати, повернувшись лицом к двери и уставившись прямо в зрачок камеры, как будто чувствовала, что кто-то наблюдает за ней. Яркая лампа освещала ее стройную фигуру и прекрасное лицо, словно палящее солнце, обжигающее своими лучами сидящую на берегу русалку. Вэй Цзюньхун поспешно приглушил свет в комнате и включил кондиционер. Лун Мин отвернулась к стене. Сейчас он видел лишь ее спину и ягодицы. Изящные изгибы ее тела и поза в мерцающем свете лампы и дрожащем от кондиционера воздухе делали ее похожей на русалку, вернувшуюся в воду.

Дежуривший в диспетчерской полицейский Лу Чжицзян не выдержал и вздохнул:

– Вот ведь какое нерачительное обращение с дарами природы!

Вэй Цзюньхун взглянул на него:

– А ты неплохо владеешь основами языка, даже такие слова знаешь, да еще и употребляешь в верном значении.

На следующий день, а точнее сказать – уже в первой половине того же дня, Вэй Цзюньхун, заступив на службу, доложил замначальника уездного полицейского управления и по совместительству начальнику угрозыска Хуан Инъу о проведенном допросе. Он по-прежнему считал, что Лун Мин причастна к убийству, как минимум у нее точно был мотив убить Линь Вэй-вэня. Он попросил разрешения арестовать ее. Хуан Инъу даже затылок чесать не стал, сказав, что не может принимать такие решения, пусть решает начальник управления.

У начальника в первой половине дня было совещание в уезде.

После обеда не прошло и трех минут с момента, как Вэй Цзюньхун начал делать свой доклад, а заместитель начальника уезда и по совместительству начальник полицейского управления Нун Гао его словно обухом по голове ударил: выпустить ее из-под стражи!

Начальная школа Наляна располагалась на горном склоне в двух километрах к югу от дороги. Ее окружали горы, очертаниями напоминавшие стул, а перед входом протекала речка.

Мост соединял два покрытых густыми бамбуковыми зарослями берега, вдоль которых также росли огромные старые деревья и мощные бомбаксы⁶. По общему мнению жителей Наляна, это было крайне удачное с точки зрения фэншуй место. Поэтому за школой находилось кладбище, на котором гордо высились памятники со словами «Могила павшего героя...». Сыны и дочери Наляна, отдавшие жизнь в войне с Вьетнамом в 1979 году⁷ и в последующих военных конфликтах, удостоились чести быть похороненными здесь. Стоило ученикам начальной школы поднять головы и взглянуть на горы, они сразу же получали урок патриотизма и героизма.

Эта гора называлась Тяньдэншань.

Вэй Цзюньхун трижды бывал в этой начальной школе. Он посетил это место в первый раз, когда только заступил на службу, тогда он должен был от лица отца-инвалида почтить память павшего товарища. В тот раз он прошел мимо школы на кладбище, чтобы найти нужную могилу. Он подмел ее и почистил и даже сделал для отца пару фотографий. Естественно, он и после посещал эту могилу, чтобы ее прибрать, но мимо школы не проходил. Второй раз он был около школы вчера, когда приехал забирать Лун Мин, сегодня – третий раз, когда привез ее обратно.

Вечером в школе воцарилась тишина, и здание погрузилось в темноту. Закончились итоговые экзамены, уже не было тех детей, которые в учебное время оставались в школе на ночь, а учителей и так было мало. Те, у кого были семьи, не жили в школе.

Учительское общежитие представляло собой около десяти покрытых штукатуркой домов с черепичной крышей. Вэй Цзюньхун остановил машину, вышел вместе с Лун Мин и пошел за ней в общежитие. Он собирался воспользоваться туалетом и заодно умыться. Его мочевой пузырь уже был переполнен, а сам он был весь покрыт пылью. Но самое главное, ему необходимо было умыться, чтобы немного взбодриться. Ему ужасно хотелось спать, потому что он накануне не спал – сидел в диспетчерской до самого утра.

Общежитие Лун Мин находилось в самом конце. Она, будто поняв, что чувствует полицейский, шла быстро и заранее достала ключи.

В доме была гостиная и спальня, за которой располагались туалет и кухня. В центре – маленький дворик. Следуя указаниям Лун Мин, Вэй Цзюньхун пересек спальню и дворик, нашел туалет и зашел в него.

Он просидел в туалете очень долго. Так долго, что у Лун Мин возникли подозрения, даже не подозрения, а, скорее, беспокойство: что может мужчина делать в туалете так долго? Не случилось ли чего?

Она вынуждена была крикнуть: «Офицер Вэй! Офицер Вэй Цзюньхун!» А когда ответа не последовало, Лун Мин постучала в дверь. Она уже знала, как зовут этого полицейского, который увез ее на допрос, просто не хотела называть его по имени.

Стук разбудил Вэй Цзюньхуна – оказывается, он заснул прямо в туалете!

Он вышел наружу, вымыл руки, умылся под краном во внутреннем дворике и вытерся полотенцем, которое ему дала Лун Мин. Полотенце в его руках словно само терло лицо, накрыв его; в один момент оно остановилось, тихо задержавшись на лице, но если присмотреться внимательнее, то можно было увидеть, как оно шевелится в одном месте – там, где был нос с горбинкой. Полотенце поднималось и опускалось от мощного дыхания. Ароматный, незнакомый, но приятный запах женщины сначала ненавязчиво, а потом настойчиво прошел через его нос и проник прямо ему в душу. Он не знал, как описать этот аромат и с чем сравнить.

Вэй Цзюньхун ополоснул полотенце и отдал его Лун Мин.

– Я ухожу, – сказал он.

⁶ Бомбакс – другое название – хлопковое дерево. В природе в высоту может достигать 30 м.

⁷ Китайско-вьетнамская война 1979 г. – вооруженный конфликт между Китаем и Вьетнамом в феврале-марте 1979 г. Эту войну иногда называют «Первая социалистическая война», т. к. обе участвовавшие в конфликте страны были социалистическими государствами.

– Да? – Глядя на то, как он поворачивается, Лун Мин спросила: – Вы сможете вести машину?

– Все в порядке.

Вэй Цзюньхун прошел из дворика в спальню, Лун Мин следовала за ним по пятам. Он не удержался и бросил взгляд на кровать, стоявшую у прохода, но ничего не разглядел.

– Вы ведь еще не ели. Или ели? – услышал он за спиной голос Лун Мин.

– Да я сейчас на улице съем что-нибудь. – С этими словами Вэй Цзюньхун вышел в прихожую.

– Уже поздно, все закрыто.

– Не может быть! – Он посмотрел на часы. – Ого, уже почти десять! Я так долго спал в туалете?

– Давайте вы поедите, а потом поедете. Я сейчас быстро приготовлю что-нибудь.

Нога Вэй Цзюньхуна замерла в воздухе и вернулась в изначальное положение.

– Самое главное – нельзя вам, такому уставшему, вести машину. Пока я буду готовить, вы можете еще поспать.

Вэй обернулся и посмотрел на Лун Мин, уговаривающую его остаться:

– Тогда я пойду в машине посплю.

– Если боитесь, что я вас буду соблазнять, то, конечно, идите в машину.

Вэй Цзюньхун уставился на Лун Мин, а она на него, не прошло и десяти секунд, как они оба рассмеялись.

Вэй Цзюньхуну успело присниться несколько снов, когда он проснулся и обнаружил, что лежит на незнакомой кровати. Но он быстро сообразил, что это кровать Лун Мин. Он не помнил, что именно ему снилось, но точно помнил, что ложился поперек кровати, вытянув ноги за ее пределы и не снимая ботинок. А сейчас он лежал вдоль, и обуви на ногах не было.

Лун Мин в комнате не оказалось, и в соседних помещениях тоже.

На столе с приготовленным ужином Вэй Цзюньхун увидел записку от нее:

«Вы так сладко спали, я не хотела вас будить. Я ушла ночевать к подруге. Если будете уезжать до рассвета, ведите машину осторожно».

Вэй Цзюньхун ел и перечитывал записку, она была для него как еда, которая не может надоесть, – приятная на вид, вкусная и ароматная. Изящный почерк и теплые слова были восхитительны, они и возбуждали аппетит, и радовали глаз.

Когда Вэй окончательно встал с кровати Лун Мин, было уже десять утра.

На самом деле он давно уже проснулся.

Вероятно, это все из-за сна. Станный сон приснился ему.

Ни с того ни с сего в его сон проникла Лун Мин, она была его главной героиней.

Вэй Цзюньхун находился в бескрайнем море, он уже странствовал по свету сорок лет, и было ему уже далеко за пятьдесят, поэтому выглядел он как старик. Так как странствовать он начал совсем молодым, то за эти годы пережил множество бурь, невзгод и потрясений и выглядел как странное существо, не похожее на человека: его волосы и борода опускались на грудь, что было естественно, а сама странность заключалась в том, что его руки превратились в крылья, а рот – в острый птичий клюв. Ноги от ягодиц и ниже превратились в рыбий хвост, как у дельфина, – такой же круглый и гладкий, так что он мог и летать, и плавать.

Однажды, а именно сегодня, появилась Лун Мин. Она приплыла на корабле. Белом корабле. Ее красная юбка ослепляла глаза, как светящийся бакен. Словно измученный вконец бродяга, Вэй Цзюньхун поплыл к ней. Без сомнений, она здесь, чтобы спасти его, избавить от этого моря страданий. Она втащила его на корабль и только прикоснулась, как произошло чудо: он обрел свой прежний, человеческий облик, ведь о нем заботилась девушка. Время пролетает как стрела, если упустить его, то оно больше не вернется, и Вэй Цзюньхун мгновенно принял решение: отдать свою невинность этой девушке, которая, как он верил, также хранила себя,

словно драгоценную яшму. Она точно согласится, ведь они же прекрасная пара. Сама природа предназначила их друг другу, у них совпадают чувства и желания, разве может она отказать? Сначала он решил забросить «пробный шар» – начал играть с ее волосами, а потом легонько дотронулся до лица, уха. Увидев, что она не уклоняется, он приблизил свое лицо к ее лицу. Его губы начали целовать ее лоб, постепенно спускаясь все ниже. И когда они коснулись ее губ, словно вспыхнул сухой хворост, и разгорелось безудержное пламя. Этот опыт любовных ласк и набор обязательных движений он почерпнул из книг и фильмов, а теперь смог применить их на практике. Отлично! Удачное начало – это половина успеха. Огонь охватил все тело, прелюдия закончилась, и далее, несомненно, следует скинуть одежду и медленно войти в нее, сливаясь с ней воедино. Мужчина – сверху, женщина – снизу, это сакраментальный способ или, как его называют, миссионерская позиция. В первый раз обычно используют именно ее в отношении к получившим традиционное воспитание или подчиняющимся правилам юношам или девушкам. Он все это понимал. Слишком много такого рода знаний было получено им из разных источников. А сейчас он начал постигать это на собственном опыте.

Люди двигались, корабль покачивался на волнах, Небо наблюдало за происходящим. Ее кровь была красной, словно цветок сливы, а его семя – белое, как свежее молоко. Море могло засвидетельствовать, что два девственника принесли друг другу в дар свое целомудрие.

Вэй Цзюньхун открыл глаза и замер от страха. Оказывается, он, пытаясь, сражался в любовной битве с одеялом.

Первым делом он помчался в туалет, снял испачканные трусы и начал их чистить, поумному застирывая лишь грязную часть, и таким образом, когда он их снова надел, большая часть осталась сухой.

Он снова вернулся в постель: не потому, что не в силах был с ней расстаться, а потому, что ему было стыдно. Вэй Цзюньхун не знал, куда себя деть от стыда. Кровать – лучшее место, чтобы скрыть позор. Он опустил москитную сетку, которая висела сверху, поднял край одеяла и прикрыл им трусы. Однако вскоре он передумал: так как трусы были мокрые, нельзя было запачкать еще и одеяло. Хотя один раз он уже сделал это.

Вэй Цзюньхун лежал на кровати, расставив ноги в стороны, чтобы трусы скорее высохли. «Лун Мин, пожалуйста, не возвращайся сейчас, не заходи сюда», – молился он про себя.

Лун Мин не поставила его в трудную ситуацию, она не торопилась возвращаться домой. Около десяти утра мокрое место на трусах, согретое теплом тела, уже высохло, и Вэй Цзюньхун смог встать с кровати.

Он на цыпочках вышел в прихожую, тихонько приоткрыл дверь и собрался выскользнуть наружу. Уличный шум накрыл его словно огромная волна, и он поспешил закрыть за собой дверь.

Раздвинув жалюзи, Вэй Цзюньхун увидел несколько сотен учеников, которые, подобно услышавшим звук пастушьего рожка баранам, стекались на спортплощадку. У флагштока один из взрослых свистел в свисток, а остальные учителя подгоняли учеников и строили ровными рядами.

После того как отзвучал гимн и подняли флаг, перед строем вышла Лун Мин и произнесла речь.

Вэй Цзюньхуну было плохо слышно, что она говорит – это были какие-то слова о том, на что надо обратить внимание на каникулах, и слова вдохновения и поддержки.

Однако он отчетливо видел ее фигуру и одежду. Она стояла на платформе у флагштока. На ней была надета красная рубашка с воротничком и белые брюки. Вчера Лун Мин была в другой одежде, когда она только успела переодеться? Когда он спал? Или взяла на время у подруги? Но это все ерунда, важно было то, что цвета ее одежды были очень похожи на те, что он видел на ней во сне. Красная одежда и белый корабль, ослепительна и притягательна, как светящийся бакен.

Действительно, когда она встала на возвышение, ученики успокоились, все взгляды обратились на нее и растворились в ней. Что бы она ни говорила, какими бы суровыми ни были ее слова, они звучали как музыка, вызывая желание покориться ей, служить ей. Кроме того, все знали, что ее забирали в полицию, но она вернулась обратно, что добавило ей еще больше уважения и любви и учителей, и учеников.

Вэй Цзюньхун увеличил поле обзора, стараясь найти свой автомобиль, который мог вызвать недоразумение и ненависть. Но ему никак не удавалось разглядеть его за стройными рядами учеников и крепкими деревьями. Где же он вчера припарковался? За воротами школы? Или на территории, у какой-нибудь стены? Где Лун Мин ему сказала остановиться, он там и встал. Он надеялся, что люди не найдут его машину, потому что если ее обнаружат, это в очередной раз может навредить образу Лун Мин. И естественно, нельзя, чтобы обнаружили, что он прятался в ее доме. Иначе как люди будут потом относиться к ней? К полиции?

Прямо сейчас выйти было невозможно, да и спустя какое-то время тоже. Лун Мин тоже в ближайшее время не вернется, остается только ждать в доме. Эта узкая и тесная комната вызывала смятение и замешательство, но это все-таки не тюрьма.

Вэй Цзюньхун сел на стул рядом со столом, приходя в себя и успокаиваясь. Его взгляд скользил по столу, он увидел квадратный кусок стекла, под которым виднелись фотографии, самая крупная лежала посередине. Это был групповой снимок, внизу можно было прочитать напечатанные желтым цветом слова:

«Выпускники 2012 года (2-я группа) факультета китайского языка Педагогического института Юнчжоу».

Естественно, Вэй Цзюньхун первым делом хотел найти Лун Мин: где она стоит? В каком месте на фотографии?

Сначала он рассмотрел первый ряд. Там сидели начальники и преподаватели института, можно было догадаться, что Лун Мин среди них не было. Во втором ряду – двенадцать-тринадцать девушек, должно быть, Лун Мин среди них! Вэй Цзюньхун слева направо тщательно просмотрел всех девушек, но ее среди них не оказалось. Может, он ее не узнал? Выпуск-2012 – это всего три года назад, не могла же она измениться до неузнаваемости? Даже если бы она изменилась, полицейскому с острым взглядом было бы нетрудно ее опознать. Значит, она в третьем ряду, но там были одни юноши.

Четвертый ряд – последний. Если Лун Мин и там нет, значит, Вэй Цзюньхун просто ослеп. Он все так же слева направо пробежал взглядом по лицам семи молодых людей и в итоге нашел ее. У нее были короткие волосы – короче, чем сейчас, роста она была такого же, как и стоящие рядом парни, и так же, как на них, на ней была надета рубашка. Если не смотреть на кожу и глаза, то те, кто не знаком с Лун Мин сейчас, точно приняли бы ее за юношу. Но благодаря ее белой и нежной коже и большим красивым глазам на фото она казалась самой прекрасной девушкой. Почему она спряталась в последний ряд? Смешалась с парнями? Потому что она скромная и не хотела отвлекать на себя внимание от других девушек заурядной внешности, опасаясь их зависти и ненависти? Или хотела стоять рядом со своим бойфрендом? Или ее принудил встать рядом какой-нибудь парень, которому она нравилась? Любой из этих вариантов был возможен. Молодой человек, стоявший справа от нее, действительно выглядел красивым и уверенным в себе. Вэй Цзюньхуну, смотрящему на фотографию, казалось, что мужчина стоял слева.

Слева от Лун Мин стояла девушка, это было легко определить по длинным волосам, красной помаде и небольшому росту. Почему они с Лун Мин оказались среди юношей? Наверное, они были хорошими подругами.

И правда, на маленькой фотографии рядом Вэй Цзюньхун увидел Лун Мин с этой же девушкой с красными губами и длинными волосами, на фото они обнимались, прижимаясь

щекой к щеке, а фоном им служило лавандовое поле уезда Синьчэн – Вэй Цзюньхун бывал там во время работы над одним делом.

На нескольких других маленьких фотографиях эта девушка тоже присутствовала, но уже не казалась такой близкой подругой Лун Мин. Она также была привлекательной, если ее сравнивать не с Лун Мин, а с другими девушками. Кто она такая? Вэй Цзюньхуну в общем-то это было неинтересно.

Он провел в комнате Лун Мин довольно много времени, пока она, наконец, не вернулась домой. Сначала она постучала и сказала: «Это я!» Вэй Цзюньхун открыл дверь, услышав ее голос, и закрыл, когда она вошла.

– Все учителя и ученики разъехались – каникулы, – сказала Лун Мин.

Вэй Цзюньхун и Лун Мин вышли во двор, который теперь был пуст, как овчарня без овец или улей без пчел, в которых остались лишь пастух или пчелиная матка. Вэй, не колеблясь, последовал за Лун Мин, вместе они пересекли спортплощадку.

У недостроенной стены он увидел свой полицейский автомобиль рядом с бетономешалкой, которая, судя по застывшей в ней высохшей и потрескавшейся глине, уже не использовалась несколько дней. В недостроенном здании не было видно людей, похоже, что строительство здесь приостановлено.

Вэй Цзюньхун сделал вид, что ему это интересно, но на самом деле он просто искал повод, чтобы заговорить:

– Когда достроят это здание?

– Не знаю. Работы здесь прекращены.

– Из-за денег?

– Да, но не только из-за них.

Внезапно Вэй Цзюньхун озарило:

– Строительство спонсировал начальник Линь?

– Да. Предполагалось, что строительство закончится в этом месяце и в следующем семестре можно будет использовать новое здание.

– Не вовремя умер начальник Линь, – все-таки пошутил Вэй Цзюньхун после некоторых раздумий.

Глядя на недостроенное здание, Лун Мин сказала:

– Поэтому вы заподозрили в его убийстве меня.

Вэй Цзюньхун, опустив голову, уставился на свои ботинки, словно провинившийся ученик или работник, который доносит на своего начальника.

– Естественно, вы имеете право подозревать меня и продолжать расследование. – Лун Мин подняла голову и посмотрела на небо. – Я всегда здесь, так что можете в любое время приезжать и арестовывать меня.

Вэй Цзюньхуну очень хотелось извиниться, но слова застряли в горле, он проглотил их и молча пошел к своей машине.

Достав ключи и уже собираясь ее завести, он осмотрелся: оказывается, хотя машина и стояла у недостроенного здания, но ее все же можно было увидеть из двух мест. Первое – это общественный туалет, второе – бассейн. Невозможно, чтобы утром никто из учеников или учителей не был в этих двух местах, а значит, все-таки случилось так, что он, сам того не желая, навредил репутации Лун Мин, своей собственной и нанес удар по имиджу полиции.

– Как вы объяснили учителям и ученикам, что здесь делает эта машина?

– Я сказала, что это та самая машина, которая при везла меня вчера домой.

Вэй Цзюньхун уставился на нее.

– А почему машина все еще здесь? Осталась тут на ночь?.. Не уехала?

– Я сказала, что бензин закончился.

– А полицейский, который был за рулем?..

- Сидит под домашним арестом у меня в доме.
- Что? Вы правда так сказали?
- Да, я так и сказала.
- Почему?
- Потому что именно таким моим словам никто не поверит.

Вэй Цзюньхун сначала опешил, а потом понял и бросил восхищенный взгляд на сообразительную и умную Лун Мин:

- Спасибо вам! До свидания!
- До свидания!

Вэй завел машину. Сначала дал задний ход, потом развернулся и уехал. В зеркале заднего вида он видел, как фигурка Лун Мин становится все меньше. Она выглядела такой одинокой и сиротливой, словно брошенная свая.

Глава 2

Первый поцелуй полицейского Вэй Цзюньхуна

Когда подозреваемый в краже быка несколько раз пнул Вэй Цзюньхуна, тот не сопротивлялся, просто вяло стоял, словно мешок с песком, не уклоняясь от ударов и не отвечая, позволяя себя избивать. Даже бык, которого пытались украсть, и тот не выдержал, подбежал и несколько раз боднул нападавшего, после чего тот в ужасе ретировался.

Справлявший в этот момент нужду за пригорком товарищ Вэй Цзюньхуна по имени У Дун, вернувшись, обнаружил напарника медленно поднимающимся с земли. Бык стоял рядом, а подозреваемого уже и след простыл. Это было непонятно и непостижимо. У Дун спросил высокого и крепкого Вэй Цзюньхуна, у которого текла кровь из уголка разбитого рта:

– Сколько же этот вор весит, что так отделал тебя, да еще и смог сбежать?

Вэй Цзюньхун не ответил. Он все так же безвольно стоял с глупым видом.

У Дун подобрал брошенную вором веревку и потряс ею перед его носом:

– Видимо, вас там, в университете безопасности, не учат связывать подозреваемого веревкой? Знай я, что вы такого не проходили, сам бы его связал.

Вэй Цзюньхун не понял иронии и ехидства коллеги, перешедшего на службу в полицию из армии. Он молча тянул быка за собой, брел, не разбирая дороги, и чуть не завел быка в сточную канаву.

Уже несколько дней Вэй Цзюньхун был так молчалив и растерян, словно душа у него была не на месте.

Замначальника полиции Хуан Инъю, заметив необычное состояние своего подчиненного, после смены позвал его в небольшой ресторанчик выпить по бутылочке ликера «Даньцюань»⁸.

– Брат Цзюньхун, позволь мне сначала прояснить кое-что и обсудить с тобой, а потом уже будем пить.

– Угу, – кивнул Вэй Цзюньхун.

– Когда начальник опроверг и отверг ваши подозрения относительно виновности Лун Мин, у тебя это вызвало сильные возражения.

– Нет.

– Нет? В последние дни твое настроение и отношение к работе не такое, как раньше. И я даже не говорю об упущенном сегодня воре, я уже послал другого человека поймать его. Главное – ты не здороваешься с начальником при встрече, меня стороной обходишь, что это значит? Разве это не раздражение на начальника и не претензии ко мне?

– Замначальника Хуан, можем мы сначала выпить вина?

Хуан Инъю двумя руками ухватился за бутылку:

– Сначала все проясним, затем выпьем.

Вэй Цзюньхун взглянул на упрямо стоявшего на своем Хуан Инъю:

– У меня правда нет претензий к начальнику и уж тем более к вам!

– Тогда почему ты не здороваешься с начальником при встрече и меня стороной обходишь?

– Потому что у меня плохое настроение.

Хуан Инъю ткнул в него рукой:

– Плохое настроение – значит, имеешь претензии!

---

⁸ Алкогольный напиток, который производят в Гуанси.

– Нет. Мое плохое настроение не имеет отношения ни к начальнику, ни к вам. Я просто не умею его скрывать, поэтому не здоровался с начальником. И вас избегал по той же причине: я боялся, что вы будете думать, что у меня к вам какие-то претензии.

Хуан Инъу смотрел на него и не знал, верить ему или нет.

– Правда?

– Если вы не дадите мне сейчас выпить, то тогда у меня точно будут к вам претензии.

Замначальника Хуан Инъу обычно относился одинаково и к вышестоящим, и к нижестоящим сотрудникам и очень обрадовался, услышав такие слова Вэй Цзюньхуна. Он поднял руку:

– Отлично! Пьем!

Они взяли по бутылке и принялись пить.

Когда алкоголя оставалась уже половина, Хуан Инъу пристально посмотрел на Вэй Цзюньхуна:

– Брат, а почему у тебя плохое настроение? Сейчас-то можешь мне сказать?

Вэй Цзюньхун отрицательно покачал головой.

– Ты не веришь мне, старшему товарищу?

Тот снова замотал головой.

Лицо Хуан Инъу начало постепенно приобретать все более мрачное выражение, ведь он так и не добился доверия от подчиненного, просчитался в своих ожиданиях. Больше он не разговаривал с Вэй Цзюньхуном, просто молча пил.

– Возможно, я болен, – вдруг произнес Вэй Цзюньхун.

Хуан Инъу был поражен, он смерил Цзюньхуна взглядом с головы до ног, как будто пытаясь обнаружить на его лице или теле признаки болезни.

– Я серьезно болен, – повторил Вэй Цзюньхун.

– Тогда надо скорее идти в больницу! – Хуан Инъу отобрал стоявшую перед Вэй Цзюньхуном бутылку, да еще и вылил то, что было в стакане. – Если болен, то как ты можешь пить? Если бы ты раньше сказал, я бы не позволил тебе пить! Вот ведь... Завтра же иди к врачу! Лучше в больницу Наньнина, это первый филиал больницы Медицинского университета Гуанси. Я даю тебе отпуск!

– Нет...

– Что значит «нет»? – прервал его Хуан Инъу. – Так и решим, сейчас немедленно отправляйся домой, а завтра с утра – в Наньнин, я пришлю машину, чтобы тебя отвезти.

Вэй Цзюньхун посмотрел на своего заботливого начальника покрасневшими от выпитого глазами:

– Спасибо вам! Отпуск мне действительно нужен, но прошу, не надо присылать за мной машину, ни в коем случае! Я сам доеду.

Безлунной ночью по дороге мчался мотоцикл. Им управлял Вэй Цзюньхун, на голове у него был шлем. Мотоцикл ехал неровно, казалось, что его водитель не совсем здоров.

Но Вэй Цзюньхун ехал не в больницу, ведь направлялся он не в Наньнин, а в противоположную сторону – в Налян.

Сто километров мотоцикл преодолел менее чем за два часа. Можно было подумать, что водитель выпил вина, он так торопился, словно горел от нетерпения.

Ворота начальной школы Наляна уже были заперты на замок, но это не стало препятствием для натренированного полицейского. Вэй Цзюньхун отошел на два метра, пробежался и перемахнул через двухметровую кирпичную стену, оказавшись во дворе. А мотоцикл остался снаружи.

На территории школы была кромешная тьма, потому что все уличные фонари выключали на время каникул. Вэй Цзюньхун направился в конец ряда домов, где также не было освеще-

ния. В сердце закрался холодок: вдруг Лун Мин здесь нет? Или спит? Если спит – это ничего, страшно, если ее нет.

Подсвечивая дорогу мобильником, Вэй Цзюньхун добрался до ее дома. Сначала он заглянул в окно, но жалюзи были плотно закрыты и не пропускали свет. Возможно, в прихожей свет не горел, а Лун Мин была в спальне. Он начал стучать в дверь сначала легонько, потом – все сильнее.

– Кто там? – услышал он голос Лун Мин.

– Я, Вэй Цзюньхун!

Прошло больше минуты, прежде чем Лун Мин отворила дверь. Глядя на ее аккуратную одежду и уложенные волосы, Вэй Цзюньхун понял, почему она так долго не открывала.

Ночной визит Вэй Цзюньхуна, казалось, не удивил Лун Мин. Она была спокойна, как будто предполагала, что так может случиться, и была к этому морально готова. Зажглась лампа в прихожей. Мягкий свет озарил изящную фигуру Лун Мин и улыбку дождавшегося исполнения своего желания Вэй Цзюньхуна.

Однако Лун Мин истолковала его улыбку как улыбку победителя, радость довольного собой полицейского. Она подумала, что он приехал арестовывать ее, хотя он был один и в штатском.

– Подождите, пожалуйста, – сказав это, Лун Мин прошла в спальню, собрала развешенную одежду, сложила ее, положила в шкаф и выключила свет. Она безропотно и смиренно встала перед Вэй Цзюньхуном и протянула ему обе руки.

Тот опешил.

– Я не собираюсь вас арестовывать.

Он развел руки в стороны, слегка повернулся, потом распахнул куртку и развернулся обратно.

– Посмотрите, я один, и одежда – штатская.

– Зачем же тогда вы приехали?

– Чтобы увидеть вас, – тихо, но отчетливо произнес Вэй Цзюньхун.

– Увидеть меня? – Интонация Лун Мин как бы говорила: «Кто я тебе? Не младшая и не старшая сестра».

– Можно выпить воды? – спросил Вэй Цзюньхун, прочистив горло. Он сглотнул слюну несколько раз, его кадык двигался туда-сюда, казалось, он действительно умирает от жажды. Но это и неудивительно, ведь он столько выпил, а потом еще мчался на мотоцикле.

Поначалу он жадными глотками осушил большой стакан воды, а после уже пил спокойно, не спеша. Он снова уставился на Лун Мин, но не произносил ни слова, как будто забыл, что хотел сказать.

– Вы сказали, что приехали увидеть меня. Зачем? – напомнила ему Лун Мин. Ей и правда хотелось узнать причину.

Ее слова словно открыли крышку флакона духов; из Вэй Цзюньхуна полились восторженные слова:

– Я приехал извиниться. Извиниться перед вами. Я думал, вы убили человека. Линь Вэйвэня. Но это не так. Мне не следовало несправедливо обвинять вас. Сейчас я знаю, что ошибался. Когда я вас тогда привез, я своими глазами увидел, как вас здесь уважают. Увидел, как заботятся о вас и как вас любят учителя и ученики. Я осознал, какую глупость совершил. Ужасную глупость. Линь Вэйвэнь склонил ваших учеников торговать наркотиками, он угрожал вам и им. Это ужасное преступление. Плевать, как он умер! Смертью не искупить того, что он сделал! Все эти дни после возвращения я постоянно думал. Думал о вас. И мужчине-то трудно быть директором школы, а уж тем более женщине. Начались каникулы, в школе нет никого – ни учеников, ни учителей. Только вы одна, красивая, слабая, одинокая женщина. Как же быть? Я все думал, думал... Даже заболел от раздумий. Есть не могу, спать не могу, работать не могу.

Правда! Я даже не смог одолеть всего лишь семидесятикилограммового вора, который украл быка, и позволил ему сбежать. Посмотрите на мои губы, они искусаны в кровь. Я никогда в жизни ни о ком так много не думал. Я сошел бы с ума, если бы не приехал увидеть вас!

– Вы пили? – холодно спросила Лун Мин, скрывая царившее в душе удовольствие за рассудительными словами.

Вэй Цзюньхун кивнул:

– Перед отъездом выпил с заместителем начальника. Но сейчас я уже трезв.

– Я принимаю ваши извинения. Теперь вы можете ехать домой.

Вэй Цзюньхун не сдвинулся с места.

– На самом деле я приехал не извиняться. Извинения – это не главное.

– А что?

– Я влюбился в вас. Я в этом уверен, – решительно и без колебаний признался он. Отвага полицейского и смелость, которую дает алкоголь, помогли ему.

– Вы сошли с ума.

– Нет! Если бы я не сказал, что люблю вас, то сошел бы с ума! Я люблю вас!

– Хорошо, вы не сошли с ума, возвращайтесь домой. – Лун Мин сделала жест рукой, который как бы говорил: «Пожалуйста, выход там».

Вэй Цзюньхун не шелухнулся. Его умоляющий жаркий взгляд накрыл Лун Мин подобно цунами.

– Мне нужно отдохнуть, – сказала она.

Вэй Цзюньхун внезапно схватил ее за руку, притянул к себе и заключил в объятия; Лун Мин пыталась вырваться, но он не отпускал ее.

– Вэй Цзюньхун! Отпустите меня! Это невозможно!

– Почему невозможно? Все возможно.

– Хорошо, я задам вопрос: сколько вам лет?

– А вам сколько?

– Это я вас спрашиваю!

– Двадцать восемь, – добавил себе один год Вэй Цзюньхун.

– Моложе меня.

– И что? Мне все равно! Жена Маркса⁹ Женни¹⁰ была старше мужа на четыре года, а Ма Или¹¹ старше Вэнь Чжана¹² на девять.

– А мне не все равно! Я не Женни и не Ма Или!

– Главное, что я не Маркс и не Вэнь Чжан, да? Я всего лишь простой полицейский.

– Я еще задам вопрос: что вам во мне нравится?

Вэй Цзюньхун был озадачен, он не мог ответить, не знал, как ответить. У него не было каких-то особых причин для этого или логических объяснений, он просто знал, что Лун Мин ему нравится, что он любит ее.

– Мне это кажется абсурдным, – произнесла Лун Мин. – Несколько дней назад, а точнее – пять, вы считали меня убийцей. А сегодня говорите, что любите меня и добиваетесь ответной любви. Вам это не кажется абсурдным?

---

⁹ Карл Маркс (1818–1883) – немецкий философ, экономист, общественный деятель. Автор знаменитого труда по политической экономии «Капитал. Критика политической экономии». Его идеи в совокупности называются марксизмом, они стали основой для революционных движений XX в.

¹⁰ Женни Маркс (Женни фон Вестфален, 1814–1881) – жена Карла Маркса, его соратница. Еще в детстве их семьи были соседями, детская дружба переросла в любовь и впоследствии – в брак. Некоторые соратники Маркса утверждали, что без нее Маркс не стал бы тем, кем стал.

¹¹ Ма Или (род. 1976) – китайская актриса. Получила известность после роли Цзывэй в популярном сериале «Моя прекрасная принцесса».

¹² Вэнь Чжан (род. 1984) – китайский актер. Получил известность после сериала «Борьба», в котором сыграл вместе со своей женой Ма Или.

- Я уже признал свою ошибку, и сейчас я ее исправляю!
- Вы совершаете еще одну.
- Нет! На этот раз я уверен в своей правоте! Я люблю вас, это – истинная правда!
- Это невозможно, Вэй Цзюньхун.
- Почему невозможно? Все...
- Я не люблю вас.

Вэй Цзюньхун остолбенел. Все знания о том, как нужно объясняться в любви, и секретные рецепты, почерпнутые из книг, в реальности потерпели жесткое поражение и оказались разгромлены, как французы в битве при Ватерлоо¹³. Он пошатнулся, и обнимавшие Лун Мин руки ослабили свой захват.

Лун Мин, воспользовавшись моментом, выскользнула из объятий Вэй Цзюньхуна, оттолкнула его и сама сделала шаг назад.

– Забудьте, что вы говорили сегодня. Я тоже сделаю вид, что ничего не было. Возвращайтесь домой.

Вэй Цзюньхун медленно отступал назад, глядя на нее, и все надеялся, что она попросит его остаться, что произойдет чудо. Он вышел из дома и уже стоял на улице, но Лун Мин не смягчилась и просто закрыла перед ним дверь.

Был ясный день с безоблачным голубым небом, школа казалась чистой и светлой. Лун Мин понимала, что это заслуга вчерашнего дождя. Шторм налетел в середине ночи, он хлестал по черепице и стенам, словно бил в гонг и барабан, шум стоял до самого утра, смертельно испуганная Лун Мин сжалась в комок под столом и так и просидела там, тоже до самого утра.

Сейчас она шла по территории школы, проверяя все здания и сооружения: сильных разрушений не было. Успокоившись, она с облегчением выдохнула и только сейчас смогла оценить красоту чистого неба и безмятежного спокойствия природы после дождя. Она вернулась домой, а когда снова вышла, то держала в руках сумку.

На маленьком белом автомобиле она доехала до ворот, вышла, чтобы открыть их ключом, выехала, потом снова вышла и закрыла ворота.

Когда Лун Мин доехала до моста, она обнаружила там сидящего, уронив голову на руль мотоцикла, Вэй Цзюньхуна. Хотя лица не было видно, она была уверена, что это точно он. Лун Мин остановилась, вышла из машины и подошла к полицейскому. Она позвала его: «Эй!», но он не ответил. Тогда она похлопала его по спине. Лун Мин почувствовала, какой он горячий, а так как одежда промокла, от нее шел пар. Она подняла голову и посмотрела на листву баньяна, через которую просвечивало небо и которая точно не могла защитить от вчерашнего шторма. Если бы... Нет никакого «если бы» – Вэй Цзюньхун провел ночь здесь и здесь же переждал шторм.

Вэй Цзюньхун поднял голову, но тут же снова уронил ее. Он увидел, что это Лун Мин, и вымученно улыбнулся.

– Почему вы не уехали? – Ее интонация была жесткой, как у учителя, делающего выговор неисправимому ученику.

– Я... Я... – Он явно искал подходящую причину или предлог, и тут взгляд его упал на руль мотоцикла. – Мотоцикл сломался и не заводился. А может быть, бензин кончился.

– А почему тогда не вернулись?.. Не попробовали укрыться в школе? – Лун Мин показала, что она сказала что-то не то, поэтому добавила вторую фразу.

Сердитые, укоряющие слова выдали ее тревогу и заботу. Вэй Цзюньхун почувствовал это и поэтому с улыбкой произнес:

---

¹³ Битва при Ватерлоо (18 июня 1815 г.) – последнее крупное сражение Наполеона, в котором французские войска потерпели сокрушительное поражение от войск союзников.

– Я здесь ждал, когда появится радуга!

Лун Мин не была душой, она, конечно же, поняла двусмысленность этой фразы, но притворилась, будто ничего не сообразила, и лишь сказала:

– Садитесь в машину.

Вэй Цзюньхун повиновался, и они опять вернулись в школу.

Лун Мин снова открыла замок и толкнула ворота, в этот момент Вэй Цзюньхун увидел ее сумку. Когда она вернулась в машину, он спросил:

– Куда вы собрались?

– Никуда. Никуда я не собралась, нет, – ответила она, на мгновение оцепенев, потом посмотрела на него. – Как вы вчера попали на территорию школы?

– Пробрался как бандит, – произнес Вэй Цзюньхун и внезапно рассмеялся, – а сейчас – как честный человек!

Лун Мин собиралась закрыть ворота, но потом решила оставить их открытыми, так выглядело пристойно, а по мнению Вэй Цзюньхуна, они выглядели как открытый рот с исходящим из него противным запахом, который невозможно сдержать.

В доме Лун Мин долго искала одежду для Вэй Цзюньхуна. Он развернул ее: оказалось, это черная ветровка, подходящая и мужчине, и женщине.

– Это самая большая из моих вещей, – сказал Лун Мин.

Переодевшись, Вэй Цзюньхун из внутренней комнаты вернулся обратно в прихожую. Увидев, как забавно он выглядит, Лун Мин не выдержала и прыснула. Ее ветровка на большом и сильном теле Вэя выглядела как отрез ткани, которым от холода обернули дерево, она была натянута туго-туго. А самым смешным было то, что он еще и застегнул ремень так, что его живот напоминал цзунцзы¹⁴, перевязанный веревочкой, чтоб не развалился. Лун Мин не знала, что Вэй Цзюньхун так сделал, чтобы случайно не показать свое нижнее белье и чтобы она не думала, что он хулиганит. Он почувствовал, что с этого момента следует следить не только за языком, но и за другими деталями: нельзя допустить, чтобы Лун Мин почувствовала себя неловко и прониклась к нему неприязнью.

Увидев, что Лун Мин смеется, Вэй Цзюньхун тоже рассмеялся.

– Почему вы смеетесь? – спросила она.

– Сам не знаю. Радуюсь, потому что вы радуетесь.

– Эту ветровку я покупала три года назад, – сказала она, дотронувшись до своей одежды, надетой на чужое тело. – Я когда-то была полной, думала, вам подойдет, но все равно на вас сидит в обтяжку.

– Подходит отлично, просто замечательно! – ответил Вэй Цзюньхун.

Лун Мин искоса бросила на него взгляд и пошла в кухню за двориком, где под кашель и чихание Вэй Цзюньхуна сварила для него имбирный отвар.

Вэй глоток за глотком выпил отвар, и холод, пронизывавший его тело, отступил, на душе тоже потеплело. Он смотрел, как Лун Мин стирает его одежду и брюки, а потом развешивает их на спортплощадке, чтобы просушить.

– Снаружи светит солнце, и одежда высохнет быстро, – объяснила она.

Но у Вэй Цзюньхуна было свое мнение на этот счет. Он считал, что если Лун Мин вешает его одежду у всех на виду, это своего рода заявление, способ показать, что она принимает его ухаживания.

Лун Мин сразу же добавила:

---

¹⁴ Цзунцзы – традиционное китайское блюдо, по обыкновению употребляемое во время празднования Дуаньцзе (Праздник двойной пятерки, то есть пятый день пятого лунного месяца, что примерно соответствует концу мая – середине июня). Представляет собой клейкий рис с начинкой, завернутый в лист тростника или бамбука, обычно имеет форму тетраэдра.

– Сейчас в школе никого нет, все на каникулах, никто не увидит, если одежда будет сушиться на улице. Чем быстрее она высохнет, тем быстрее вы сможете вернуться домой.

Вэй Цзюньхун моментально приуныл, будто снова под дождь попал.

Они стояли у бетонного стола для настольного тенниса на краю спортплощадки. Вэй Цзюньхун мрачно и сосредоточенно смотрел на свою одежду, висящую под жаркими лучами солнца, словно на траурное знамя, а Лун Мин поглядывала то на небо, то на землю. Ее лицо, руки и ноги от колен и ниже были открыты лучам солнца. И хотя кожа Лун Мин была белой и нежной и вряд ли за один раз сильно бы загорела, для прекрасной и ценящей красоту женщины даже капелька загара была неприемлема. Но Лун Мин терпела, не пыталась скрыться в тени и не предлагала вернуться в общежитие. Словно изваяние, она стояла рядом с мрачным Вэй Цзюньхуном.

– Вам сегодня не надо на работу? – нарушила молчание Лун Мин.

– Нет, не надо.

– Сколько лет вы уже работаете в полиции?

– Четыре года.

– А сколько лет живете в Цзинлине?

– Четыре года.

– О, значит, приехали сразу после окончания вуза?

– Да, а вы?

– Три года.

– Тоже окончили вуз и приехали в Цзинлинь и живете здесь?

– Да.

– Всего три года прошло, а вы уже директор школы. Такого нелегко добиться.

– Это потому что никто не хотел быть директором такой старой, сложной школы. Вот вы бы, например, согласились стать ее директором?

– Я бы не смог. Только вы смогли бы. Я хочу сказать, что вы – необыкновенная, правда!

Работаете в таком трудном и бедном месте.

– Я сама этого хотела, сама подала заявление.

– Вы местная?

– Нет.

– А откуда вы?

– В ваших полицейских материалах же есть место рождения. Вы не смотрели?

– Я не помню.

– А вы местный?

– Тоже нет.

– А почему приехали именно в Цзинлинь?

– Это пограничный уезд, я думал, что смогу тут потренироваться, закалиться.

– А на деле?

– На деле уже прошло четыре года, а я так и продолжаю тренироваться.

– А если бы это действительно я убила Линь Вэйвэня и вы бы раскрыли преступление, вас бы повесили и перевели в другой город?

– Не хочу говорить про Линь Вэйвэня. Но, тем не менее, я должен быть ему благодарен, ведь без него я не познакомился бы с вами.

– Мы можем быть друзьями, просто друзьями.

– А может быть, у вас уже есть не «просто друг»? Есть?

– Нет.

Глаза Вэй Цзюньхуна загорелись от радости.

– Значит, у меня есть надежда!

– Вэй Цзюньхун! Я же уже сказала – это невозможно.

– Вы можете мне сказать правду: почему нет?

– Я не люблю мужчин. Но я, конечно, и не лесбиянка.

– Почему не любите?

– Просто не люблю.

– А вы когда-нибудь любили?

– Нет.

– Вы можете попробовать принять мою любовь, полюбить меня. Это правда возможно!

Когда вы узнаете меня получше, то увидите, что я не так плох! Все-таки выпускник Народного университета общественной безопасности КНР, туда не так просто поступить.

Лун Мин холодно улыбнулась:

– Вы хотите, чтобы я влюбилась в человека, который считает меня убийцей? Смех да и только!

– Я же уже признал свою ошибку и извинился. Вон, Компартия и Гоминьдан сражались друг с другом, но ведь в итоге пожали друг другу руки и примирились.

– Ну, это же политика.

– В отношениях такое тоже возможно! Из врага превратиться в любимого или породниться. Тому куча примеров, я приведу...

– Не хочу я слушать ваши примеры, – прервала его Лун Мин. – Ну не могу я, не могу я любить.

– Так попробуйте полюбить меня. Любить – это замечательно! Ты можешь сделать для любимой все, что угодно, вынести абсолютно все, вот как я сейчас. Горести любви – они сладки, даже несмотря на то, что мои чувства безответны.

– У меня есть любовь, она здесь – это мои ученики, моя школа.

– Тогда... Не могли бы вы представить, что я ваш ученик, ваша школа?

Лун Мин не ответила, она прошла вперед, потрогала развешенную на веревке одежду, затем сорвала ее и бросила Вэй Цзюньхуну:

– Высохло!

Он вернулся в ее комнату и переоделся. Сейчас Вэй Цзюньхун не кашлял и не чихал. Как бы он ни показывал свои чувства, они не повлияли бы на Лун Мин, не тронули ее, поэтому причин задерживаться здесь не было. Если он останется еще, то это уже будет навязчивость.

– Спасибо вам, я ухожу.

Он повернулся, чтобы побыстрее уйти, но услышал за спиной голос Лун Мин:

– Ваш мотоцикл и правда не заводится?

Вэй Цзюньхун остановился.

– Я дотолкаю его до города и там почию, – пришлось сказать ему.

– Давайте так: мне сейчас надо по делам в уездный город, вы можете поехать со мной на моей машине, если хотите.

Вэй Цзюньхун радостно обернулся и посмотрел на Лун Мин, про которую можно было сказать словами известного поэта Лю Юйси¹⁵: «Солнце вокруг озарило восток, на западе – снова дождь. Ты говоришь, непогожий день, – а день куда как погож!»¹⁶

– Если вы хотите, то и я хочу тоже!

Машина ехала по дороге, за рулем был Вэй Цзюньхун. Его якобы сломанный мотоцикл был в багажнике. У «Пежо 3008» багажник большой, поэтому мотоцикл туда поместился.

---

¹⁵ Лю Юйси (772–842) – известный китайский литератор эпохи Тан. Написал более 800 стихотворений. Цитируемое стихотворение – одно из нескольких произведений цикла «Песни о ветке бамбука», написанное в подражание народным песням.

¹⁶ Поэзия эпохи Тан / пер. с кит. А. Сергеева. М., 1987. С. 285). В последней строке присутствует игра слов. «Погожий день» созвучен слову «чувства», таким образом, фразу можно интерпретировать так: «Ты говоришь, что чувств нет, но они на самом деле есть!»

Вэй Цзюньхун, сидя за рулем автомобиля стоимостью примерно двести тысяч юаней, думал: «После трех лет работы на одну лишь зарплату Лун Мин не смогла бы купить эту машину. Возможно ли, что это Линь Вэйвэнь купил ей? Нет, он не мог. Я не должен больше фантазировать на пустом месте. Тогда, может, эту машину ей помогли купить родители? Возможно, она из состоятельной семьи? Надеюсь, что это так. Да, это определенно так. Только человек из богатой семьи может спокойно заниматься преподаванием, которое не приносит денег».

Сидевшая рядом с ним Лун Мин как будто прочитала его мысли:

– Эту машину я купила на свои деньги. До поступления в университет я два года работала. Потому я и старше вас, хоть и окончила институт позже. Есть еще вопросы?

Вэй Цзюньхун остолбенел: как она могла узнать, о чем он думает?

– А я разве что-то спрашивал? Я молчал!

– Да и не надо было спрашивать, я все поняла по тому, как вы посмотрели сначала на мою машину, а потом на меня.

В душе Вэй Цзюньхуна зародился страх при взгляде на эту внимательную и проницательную женщину: «По своим коэффициентам умственного развития и эмоционального интеллекта я не могу с ней соперничать, мне нужно приложить усилия, чтобы опередить ее, и только тогда я смогу ее покорить».

– Вы очень проницательны, могли бы стать полицейским.

– Ну что вы, моя проницательность основана лишь на наблюдениях за большим количеством людей, с которыми я встречалась в своей жизни, и годна лишь для учеников начальной школы. – Тут она внезапно поняла, что эту фразу не следовало говорить, но сказанного не воротишь.

– Я уже говорил, что готов быть вашим учеником, а вы отказываетесь.

– Если бы мои ученики были такие, как вы – умные, смелые и приятные, то я бы так не уставала. – Лун Мин поняла, что снова проговорила и сказала то, что говорить не следовало.

Эти слова вызвали особую радость у Вэй Цзюньхуна: «Ага, на самом деле я ей нравлюсь! Она сказала то, что у нее на сердце, показала свои истинные чувства! Как говорится, если усердно работать, то обязательно добьешься успеха, у меня есть надежда, большая надежда!»

Он посмотрел на часы:

– Сейчас двенадцатое июля две тысячи пятнадцатого года, двенадцать часов тридцать минут. С этого момента вы больше не будете уставать!

– А может, буду уставать еще больше.

– По крайней мере, отныне и впредь у вас будет свой водитель, а это заметно снизит усталость, не так ли?

– Нет. Не надо было мне приглашать вас в свою машину, сама виновата. – Она подумала, что сказанные слова снова вернули ее в разумные рамки.

Но и эти слова обрадовали Вэй Цзюньхуна. Он был твердо убежден, что Лун Мин говорит одно, а чувствует совсем другое. Женщина часто говорит мужчине «нет» тогда, когда на самом деле имеет в виду «да»; говорит, что ты ей противен, а на самом деле ты ей нравишься – вот такой защитный рефлекс перед атакой сильного и интересного мужчины. Вэй Цзюньхун прочитал это в одной книжке по психологии. А сейчас эту фразу можно применить к его ситуации с Лун Мин. «Сколько бы раз она ни говорила „нет“, я не смогу поверить, что это у нее на сердце», – думал Вэй Цзюньхун.

Машина въехала в пригород уездного города, рядом располагалась ремонтная мастерская.

– Остановимся здесь? Вы сможете отремонтировать свой мотоцикл, – спросила Лун Мин.

Хотя ее интонация была вопросительной, Вэй Цзюньхун чувствовал, что у него нет причин, чтобы не послушаться, тем более что мотоцикл и не был сломан, и если сейчас не выйти из машины, то это вызовет вопросы.

Вэй Цзюньхун вытащил мотоцикл из багажника и сказал, обращаясь к помогавшей ему Лун Мин:

– Я сейчас вам позвоню, а вы запишите мой номер телефона.

Он достал телефон и нажал кнопку вызова, раздался звонок телефона Лун Мин, лежавшего в машине. Она сначала изумилась, откуда у него ее номер, но тут же поняла: ведь именно из-за ее номера в телефоне Линь Вэйвэня он начал подозревать ее в убийстве, как же у него могло его не быть?

– Если я вам еще понадобится, захотите проверить меня, то просто позвоните. Я сама приеду, вам не придется утруждать себя.

– Нет! – Вэй Цзюньхун смог сказать ей «нет». – Я прошу вас записать мой номер на случай, если у вас что-то случится, вы можете мне позвонить, возможно, я смогу помочь. Вот что я имею в виду.

Лун Мин открыла водительскую дверь и ответила Вэю, стоявшему позади ее машины:

– Вы мне уже помогли, больше часа были за рулем. Второго раза не будет. Но хотелось бы.

Вэй Цзюньхун стоял навывтяжку и, широко раскрыв глаза, смотрел вслед удалявшейся в клубах пыли желтой машине – до тех пор, пока у него не затекли ноги.

Когда через полтора часа раздался звонок от Лун Мин, Вэй Цзюньхун, словно впавший в зимнюю спячку медведь, который вдруг услышал весеннюю грозу, в волнении вылетел из-под пролета моста: он боялся, что из-за плохого сигнала неожиданный звонок от нее прервется, и он его упустит. Вэй стремительно примчался к отдели Кайяна и нажал кнопку приема:

– Алло!

– Это Лун Мин.

– Да, я знаю.

– Вы сейчас свободны?

– Да! Да! Да!

– Хочу попросить вас помочь.

– Говорите, в чем дело.

– Я сейчас в реабилитационном центре для наркоманов, вы можете приехать?

– Сейчас буду!

Повесив трубку, Вэй Цзюньхун сел на свой помытый и уже высохший мотоцикл и покинул отбель. Он жал на педаль газа и с грохотом промчался через песчанник, пересек ров и выбрался на берег.

С юга города на запад он добрался за пятнадцать минут. Лун Мин уже стояла на улице и могла оценить, с какой скоростью примчался Вэй Цзюньхун. Может быть, из вежливости, а может, оттого, что была этим тронута, она сразу протянула ему бутылочку воды.

Он взял воду, но пить не стал.

– Что случилось?

– Пятеро моих учеников проходят здесь реабилитацию. Сегодня я пришла навестить их и обнаружила, что их поместили вместе со взрослыми, полный хаос. Они же несовершеннолетние, я надеялась, что о них будут заботиться. И эта так называемая забота – всего лишь одна комната на пятерых, чтобы они были вместе и без взрослых. А в реабилитационном центре мне сказали, что у них сейчас все забито и они не могут разместить детей таким образом. А я не верю, что они не могут, поэтому позвонила вам.

– Я понял. – Вэй Цзюньхун, наконец, выпил воду, тем самым выкроив себе время на раздумья. – Вы можете на меня положиться.

– Если трудно, то...

– Нет. – Вэй Цзюньхун поднял руку, прервав ее. – Пустяк.

Лун Мин, увидев, как спокойно он это произнес, спросила:

– Ну, тогда я подожду снаружи?

Вэй махнул рукой:

– Нет, лучше подождите в другом месте. Когда я все улажу, сразу вам позвоню и приду к вам. Помочь вам найти место для ожидания?

– Не нужно искать, я пойду в салон красоты, это займет много времени, так что не торопитесь.

«Какая понимающая и чуткая женщина! – подумал Вэй Цзюньхун. – Наверняка она по моей интонации догадалась, что все будет не так просто, хотя предстоит разговор полицейского с полицейским».

– Хорошо, тогда до свидания!

– Бай-бай! – ответила Лун Мин и подарила ему улыбку.

Эта улыбка, мелькнувшая в ямочках на ее щеках, еще больше вдохновила Вэй Цзюньхуна.

В салоне красоты Лун Мин три часа делала прическу, потом еще час – маску на лицо, и только тогда раздался звонок от Вэй Цзюньхуна. Он сказал, что дело улажено.

– Тогда я сейчас приду! – ответила Лун Мин.

– Уже восемь, центр реабилитации закрыт, даже если вы приедете, то учеников все равно не увидите. Вы где? Я зайду за вами.

Чтобы отблагодарить Вэй Цзюньхуна, Лун Мин пригласила его поесть запеченную рыбу в уличной закусочной. Когда полуторакилограммовую рыбку водрузили на стол, они оба уже выпили по бутылке пива, а под столом стоял еще ящик. Судя по всему, они собирались хорошенько выпить и закусить, да еще и посоревноваться в этом между собой. Вэй Цзюньхун сначала с тревогой спросил:

– Вы можете много выпить?

– Сколько вы выпьете, столько выпью и я!

– А если вы опьянеете раньше меня?

– Еще не факт, кто первым опьянеет.

– Хорошо, но только ключи от машины отдайте мне: нельзя пьяной садиться за руль.

Лун Мин отдала ключи Вэй Цзюньхуну, и они начали пить, не сдерживая себя. После десяти часов вечера людей на улице становилось все больше, в ресторанчике, где сидели Вэй Цзюньхун и Лун Мин, народу набилось до отказа. Люди пришли сюда не только поесть, но и поглазеть, ведь на всей улице все считали, что эта пара – самая красивая. И парни, и девушки засматривались на них. Вэй Цзюньхун смотрел только на Лун Мин, ее новая прическа была гладкой, черной и блестящей, лицо выглядело нежным, белым и чистым, оно было так прекрасно, что он весь лучился от самодовольства. Потому что в этот момент все вокруг, кроме Лун Мин, а возможно, и она сама тоже, считали, что он ее парень. И он подходил ей, потому что тоже был хорош собой. Молодые люди уже выпили по пять бутылок пива и съели половину рыбины; они были пьяны и веселы, но до полного помутнения в глазах было еще далеко. Лун Мин взяла палочками большой кусок рыбы, положила его в пиалу Вэй Цзюньхуна и, глядя, как он ест, спросила:

– Хорошо, теперь расскажите мне, как за те четыре часа, пока я вас ждала, вы сделали так, что реабилитационный центр предоставил моим ученикам нужную заботу?

Вэй Цзюньхун некоторое время задумчиво молчал, словно фильтровал или монтировал информацию о том, как это происходило, а потом ответил:

– На самом деле это было просто. Я ведь тоже полицейский. А коллегам всегда проще договориться между собой. Я пошел прямо к директору центра, господину Чжуну, тому, с длинными бакенбардами, вы его видели. Он говорил, что вы к нему приходили. Я сказал ему, чтобы он помог с этим делом, обязательно помог! Поначалу он слегка сопротивлялся, но потом я позвонил своему начальнику управления, одно его слово – и все уладилось. – Вэй Цзюньхун раскинул руки, выглядя при этом расслабленным и спокойным.

Лун Мин смотрела на него словно старая, опытная актриса на новичка. Она знала, что он говорит неправду, ну или как минимум сознательно опускает трудности. Дело точно нельзя было уладить так просто и успешно. Она была у директора центра, умоляла, даже плакала, но тот был неумолим и не оставлял никакого пространства для маневра. Он отвел ее в палаты, они просмотрели их одну за другой, все было заполнено пациентами, не менее тридцати человек. Действительно, невозможно было освободить место для ее учеников. Лун Мин обратилась к Вэй Цзюньхуну от безысходности, лелея последнюю надежду. А он смог превратить надежду в реальность, что было, несомненно, нелегко, просто она не знала, насколько нелегко. Она не знала, что ради ее пяти учеников Вэй Цзюньхун стучал кулаком по столу директора реабилитационного центра, потом бегал к своему начальнику, у которого тоже чуть не хлопнул по столу. Тот с мрачным лицом поинтересовался:

– Ты же болен? Разве ты не отпросился, чтобы показаться врачу? Почему теперь примчался ко мне и требуешь места в реабилитационном центре для детей, совершенно тебе незнакомых? Ну, вот такие там условия, ко всем, кто бросает наркотики, к малым и старым, одинаковое отношение!

Вэй Цзюньхун ответил:

– Я болен, но к врачу не ходил. А не ходил потому, что эти дети имеют ко мне отношение! Какое? А такое, что они – ученики Лун Мин, директрисы школы в Наляне! Имеет ли она ко мне отношение? Имеет! Потому что я когда-то считал ее убийцей, при всех увез ее в участок, и хотя вы тоже отрицали, что она убийца, и это обвинение было снято, оно нанесло удар по ее репутации, и я несу за это ответственность, я должен нести эту ответственность. Линь Вэйвэнь использовал ее учеников для торговли наркотиками, это я только что узнал от нее, и требуется дальнейшее расследование, но факт остается фактом – ее ученики пристрастились к наркотикам. Сейчас она хочет помочь им избавиться от этой зависимости, но они несовершеннолетние, а их поселили, заперли со взрослыми, можно представить, какой будет результат и последствия. Я не хочу сказать, что тамошние наркоманы – все злодеи, но они не могут мыслить разумно и даже не способны здраво рассуждать. По меньшей мере у них постоянно меняется настроение. И очень опасно для детей быть запертыми в одном помещении с такими взрослыми, разве нет? Им уже и так причинили вред, нельзя ранить их еще сильнее, господин начальник!

Такое решительное и уверенное возражение подчиненного заставило начальника замолчать, потом он вместе с Вэй Цзюньхуном поехал в реабилитационный центр. Осмотрев центр, начальник сказал директору Чжуну:

– Выпустите человек тридцать тех, кто уже практически прошел курс, чей срок уже почти подошел к концу, отпустите их и освободите место для детей. Немедленно!

Директор центра бросился выполнять распоряжение начальника Нуна, а тот посмотрел на украдкой улыбающегося Вэй Цзюньхуна и мрачно сказал, указывая на него пальцем:

– Вэй Цзюньхун! Это не ты, мать твою, болен! – Он указал на себя: – Это я болен! Я же начальник управления! А послушался тебя, простого полицейского!

Вэй Цзюньхун ответил, открывая ему дверь машины:

– Это потому, что вы всегда были близки к народу, любите народ, вы – наш народный замечательный начальник!

– Ты посмотри, только что орал на меня, а сейчас подлизываешься. Только что был мужиком, а сейчас как собака.

Услышав эти слова, Вэй Цзюньхун, который уже собирался сесть с ним рядом в машину, отошел назад, выпрямился и произнес:

– Хорошей дороги, господин начальник!

Лун Мин смотрела на Вэй Цзюньхуна так, что от ее взгляда его кожа зачесалась. Ему показалось, что она видит его насквозь, разгадала, что он скрывает. Он рассмеялся, пытаясь скрыть за улыбкой то, что ему не по себе, но эта неуклюжая улыбка выдала истинное положение дел.

– Скажу правду – было не так легко, но в итоге дело сделано.

– Спасибо вам, – поблагодарила Лун Мин. Она продолжала смотреть на Вэй Цзюньхуна, но выражение ее лица изменилось, казалось, она тронута, но в то же время чем-то опечалена. – Вы не знаете, но когда я сегодня приехала в реабилитационный центр, дети бросились ко мне, обнимали меня. Я почувствовала, как они дрожат, а их лица выражали отчаяние и страх, такие жалобные, они не чувствуют себя в безопасности. Эти дети и так уже несчастны, нельзя, чтобы они подвергались опасности и угрозам в реабилитационном центре. Я пообещала, что они не будут жить и есть со взрослыми, которые запугивают их и обижают. Мне обязательно нужно было выполнить обещание. Спасибо вам!

– Не за что! – ответил Вэй Цзюньхун и поднял стакан с пивом. – Тогда выпьем за меня?

Лун Мин тоже подняла свой стакан и чокнулась с Вэй Цзюньхуном; звон их стаканов прозвучал, словно два певца спели дуэтом.

Вэй Цзюньхун опьянел первым. Пили, пили, и вдруг он внезапно, словно сраженный пулей, упал ничком, страдальчески застонал и заплакал. Хорошо еще, что Лун Мин держалась, она явно умела пить, к тому же у нее был опыт того, как справляться с пьяными. Она невозмутимо подняла лежащего Вэй Цзюньхуна, прислонила к себе поудобнее, расстегнула пуговицы на его рубашке, а затем сдвинула две акупунктурные точки – под носом и на челюсти. Вскоре Вэй Цзюньхун перестал стонать и плакать, ему стало полегче, но он по-прежнему не мог самостоятельно встать. Лун Мин подо звала владельца ресторанчика и попросила помочь перетащить его к стоявшему у дороги трехколесному автомобилю, а потом оплатила счет. Разговаривая с Вэй Цзюньхуном, словно с умственно отсталым, она наконец выяснила его адрес: улица Дружбы, дом 5.

Пятый дом по улице Дружбы оказался жилым строением, сколько в нем было этажей – пять или шесть – Лун Мин не могла точно сказать, потому что умаялась тащить Цзюньхуна, она поняла, что он именно тут снимает квартиру, но не знала, на каком этаже. Вэй Цзюньхуна тем временем от легкого ветерка на свежем воздухе совсем развезло.

Владелец дома, естественно, знал Вэй Цзюньхуна и был крайне изумлен: он впервые видел полицейского, снимавшего у него квартиру уже несколько лет, таким пьяным, и впервые видел, как тот возвращается домой с девушкой. Одним словом, он сначала был в полном замешательстве, а потом помог Лун Мин затащить Вэй Цзюньхуна на третий этаж. Своим ключом он открыл дверь одной из квартир, проводил их внутрь, махнул рукой, притворил дверь и, загадочно улыбнувшись, ушел.

Квартира была не сказать что маленькая, стандартная для таких домов – с гостиной, кухней и санузелом. Лун Мин сначала положила Вэй Цзюньхуна на твердый деревянный диван, а потом осмотрелась в поисках подушки, чтобы положить ему под голову. Взгляд ее упал на дверь, за которой, вероятно, была спальня. Она подошла, повернула ручку, но дверь оказалась заперта. Скорее всего, и у хозяина дома не было ключей от нее. Лун Мин вернулась к Вэй Цзюньхуну и несколько раз спросила его: «Вэй Цзюньхун, Цзюньхун, где ключи? Ключи где?» Но полицейский не отвечал. Тогда Лун Мин решила его обыскать. Сначала она похлопала

по левому карману брюк, там лежало что-то твердое, как камень, – скорее всего, бумажник, затем – по правому карману, в котором лежало что-то острое и более твердое, чем бумажник, вероятно, это и были ключи. Лун Мин засунула руку в карман Вэй Цзюньхуна, чтобы их вытащить, и в этот момент он переполошился, будто его ударила молния – крепко-накрепко зажал рукой карман, в котором лежали ключи. Руку Лун Мин, которая все еще была у него в кармане, словно стиснуло щипцами, она не могла пошевелиться, ей было больно.

Вэй Цзюньхун выпрямился, открыл глаза и обнаружил, что он схватил Лун Мин. Он немедленно ослабил хватку, и Лун Мин смогла вынуть свою руку из его штанов. Взгляд у нее был страдающий и напряженный, она не знала, как объяснить, почему ее рука оказалась в кармане его штанов. Хорошо, пусть даже она собиралась достать ключи, но зачем? Для чего? Спальня – самое интимное место в частных владениях, а здесь ее владелец вдобавок еще и полицейский. Зачем же понадобилось заходить в его спальню, воспользовавшись тем, что он спит?

Но опасения Лун Мин были напрасными: Вэй Цзюньхун был еще более взволнован, чем она. Он ужасно раскаивался в своем грубом поведении, и капельки пота на его лице были тому доказательством. Он принял любимую женщину за злодея, который собирается напасть на него, украсть его вещи, отнять оружие, хотя в данный момент он был безоружен. Это была инстинктивная реакция полицейского, показывающая его бдительность и ловкость, но вести себя так по отношению к любимой не следовало. Естественно, это произошло из-за того, что он все еще не мог мыслить трезво.

– Извините, я не думал, что это вы, – извинился Вэй Цзюньхун и покачал головой. – Это все алкоголь, в голове помутилось.

– Вы сейчас протрезвели?

– Да.

– Тогда я пойду, – сказала Лун Мин и поднялась.

Вэй Цзюньхун снова схватил ее за руку, но на этот раз не так сильно, даже можно сказать, намного мягче. Он казался напористым, но на самом деле был испуган. На каком основании он схватил ее? Сейчас ситуация уже не та, что в прошлый раз, ведь тогда он был пьян, а сейчас уже признал, что протрезвел.

Лун Мин смотрела на него, ожидая объяснений.

– Останьтесь со мной!

– Нет.

– Останьтесь, поговорите со мной. Можно и не разговаривать. Просто останьтесь, побудьте здесь.

– Нет!

– Почему нет?

– Нипочему, нет и все!

Он тряс ее руку, уговаривая, словно капризная девушка:

– Пожалуйста, останьтесь! Ну, пожалуйста!

Это его движение, то, как странно он тряс ее руку, произвело на нее неожиданное впечатление. Лун Мин никогда не любила и не сочувствовала мужчинам, полагая, что они сильные и агрессивные, они никогда не уступают и не заслуживают любви. Но этот мужчина был другим, действительно другим. Оказывается, что и мужчины могут хотеть опереться на женщину; она удивилась этому чувству. Этот мужчина, которого она считала крепким, сильным, уверенным в себе и самонадеянным, сейчас напоминал маленькую птичку, травинку, беззубую рыбку, которая жадно стремится к ней и выпрашивает разрешение быть зависимой – это чувство опьяняло. Раньше Лун Мин могла выпить сколько угодно алкоголя, а тут она опьянела от того, что Вэй Цзюньхун тряс ее за руку.

Лун Мин могла легко сбросить руку Вэй Цзюньхуна, потому что его хватка постепенно слабела, одно легкое движение – и его рука упала бы. Но Лун Мин не делала этого. Более того, она второй рукой поддержала слабеющую руку Вэя, как будто подбрасывала хворост в угасающий костер.

Они слились в страстном поцелуе.

Они были словно охваченный пожаром лес. Для Вэй Цзюньхуна это было впервые. Трудно поверить и стыдно даже об этом говорить, но этот красивый, раскованный, полный сил и энергии молодой человек никогда не целовался! Может быть, он не испытывал интереса к противоположному полу? Нет, это точно было не так. Достаточно просмотреть, какие фильмы ему нравились, чтобы доказать, что он не гей. А может быть, у него не было возможности и условий для того, чтобы целоваться с девушками? Тоже нет. И в старшей школе, и в университете, и после его окончания он был окружен красавицами, которые слетались к нему, словно пчелы на цветы или мотыльки на свет лампы. Но ни одна из них не волновала его сердце, а если и начинались какие-то отношения, то до поцелуев не доходило. И только Лун Мин словно околдовала его, он влюбился. Да, вот так удивительно сложилось. Он мечтал о поцелуях с ней, мечтал о том, как они будут заниматься любовью. И вот это стало реальностью: он целовался с женщиной, о которой страстно мечтал. Это был его первый поцелуй. Но был ли поцелуй первым для Лун Мин? Он не знал. Но если и нет, то что? «Это мое счастье и удача, что я встретил эту восхитительную, благородную женщину. Она ответила на мой поцелуй и, скорее всего, займется со мной любовью, и это тоже мое счастье. Наконец мне повезло», – думал он.

– Если я скажу, что это мой первый поцелуй, ты согласишься? – произнес Вэй Цзюньхун, переводя дыхание. Он полагал, что такая честность обрадует ее, потому что, если бы она так сказала, то он бы точно обрадовался. Что означает первый поцелуй? Он означает чистоту и то, что он еще девственник. А если бы этот поцелуй был первым и для Лун Мин, то тогда он был бы похож на золотого отрока, а она – на Нефритовую деву¹⁷.

И тут совершенно неожиданно ситуация изменилась. Услышав его слова, Лун Мин замерла, она выглядела испуганной, словно совершила огромную ошибку или попала в крупную неприятность. Она не дала Вэй Цзюньхуну продолжить целовать и даже обнимать себя. Сказав: «Извини», Лун Мин оттолкнула его от себя.

Вэй Цзюньхун остолбенел, он ожидал, что огонь будет по-прежнему пылать, охватывая пожаром весь лес, неужели его потушили уже в самом начале?

– Я не должна была этого делать, – сказала Лун Мин.

– Да, ты не должна была этого делать. – Вэй Цзюньхун имел в виду то, что она отвергла его поцелуй.

– Нет, мне не следовало целовать тебя.

– Мы оба этого хотели, разве нет?

– А сейчас я не хочу.

– Почему?

– Нипочему. Просто не хочу.

– У меня пахнет изо рта?! Точно, я же пил, наверняка от меня разит перегаром! – Вэй Цзюньхуну казалось, что он нашел причину. – Пойду почищу зубы.

– Нет, не из-за этого.

– Тогда почему?

– Не спрашивай!

– Потому что это мой первый поцелуй, да? – продолжал расспросы Вэй Цзюньхун. – Ты не веришь, что я, мужик ростом метр восемьдесят, сейчас впервые поцеловался? Но это правда! Что в этом плохого? Это говорит о том, что я из семьи с традиционными ценностями,

---

¹⁷ Золотой отрок (Цзиньтун) и Нефритовая дева (Юйнюй) – по преданию, входят в свиту даосских бессмертных.

простой и скромный, а не плейбой. Я хотел найти, дожждаться любимую женщину и только с ней целоваться. Я нашел тебя, дождался тебя. Я поцеловал тебя, а ты – меня, значит, мы любим друг друга, ну или по меньшей мере нравимся друг другу, разве нет? Моим следующим шагом будет предложение, а затем и наша свадьба, поверь мне, я выполню то, что обещаю!

– Нет, я верю тебе, но...

– А, я понял! – прервал ее Вэй Цзюньхун. Он поднял руку, словно узнал правильный ответ. – Ты не хочешь, чтобы у нас был секс до свадьбы, и поцелуй – тоже нехорошо. Потому что от поцелуев можно ослабить контроль и не сдержаться, что в итоге приведет в постель. Ты хочешь сохранить свое целомудрие и мою невинность до первой брачной ночи и только потом подарить их друг другу? Хорошо!

– Цзюньхун, я не...

Не дождавшись окончания ее слов, Вэй Цзюньхун закрыл ей рот рукой:

– Хорошо, не нужно ничего говорить. Я смогу, я сдержу слово, не буду целовать тебя до нашей свадьбы и по возможности не буду дотрагиваться. Сегодня ты будешь спать в спальне, а я на диване.

Не дав ей шанса что-то возразить, Вэй Цзюньхун поднялся и открыл дверь в спальню, потом позвал Лун Мин:

– Пожалуйста, заходи.

Лун Мин медленно, словно нехотя, вошла в его спальню.

Выходя из комнаты, Вэй Цзюньхун произнес:

– Я закрою дверь, а ты запишись изнутри на замок, чтобы уберечься от моей страсти. У меня точно возникнет страстный порыв, не может не возникнуть, так что лучше запереться.

Дверь в спальню закрылась, щелкнул замок, напомнив Вэй Цзюньхуну звук передернутого затвора пистолета. Он вернулся, сел, а затем и лег на диван. Остатки алкоголя из желудка снова ударили в голову, нарушив ход мыслей и помогая заснуть.

Глава 3

Секрет благотворителя

Стол начальника полиции Нун Гао, размерами напоминавший корабль или кровать, был, по мнению Вэй Цзюньхуна, слишком велик. Стол был тот же, что и раньше, но почему-то до этого он не казался таким большим. Что же изменилось? Из-за величины стола сам начальник управления казался меньше, тем более что сидел он, утонув в огромном кресле, и был похож на скрипку, которую гигантская волна впечатала в парус корабля. Сейчас он и правда, как печальная скрипка, изливал свои сокровенные мысли заместителю Хуан Инью и Вэй Цзюньхуну:

– Я и представить не мог, что в нашем уезде Цзинлинь появятся дети-наркоманы. Мне как начальнику уездной полиции особенно больно от этого. Я занимаю эту должность уже почти пять лет, и все это время в уезде царили полный порядок и спокойствие, все шло благополучно. И вот на исходе срока моих полномочий происходит такое позорное событие, которое наносит ущерб моей репутации, вот ведь беда. Если я не получу повышение – ничего страшного, но тогда и ты, Инью, не продвнешься по служебной лестнице, и ты, Вэй Цзюньхун, можешь даже не мечтать о сдвигах в карьере. И даже то, что к наркотикам пристрастились дети, – не самое главное сейчас. Самое главное – то, что в этом деле замешан Линь Вэйвэнь. Есть сведения, что он вовлекал несовершеннолетних в торговлю наркотиками! Естественно, при жизни. И хотя сейчас он уже мертв, не будем забывать, кем он был при жизни: членом уездного парткома, самым крупным девелопером, привлеченным правительством, выдающимся частным предпринимателем, а в глазах народа – еще и большим благотворителем. Для меня он стоит на втором месте после Чэнь Гуанбяо¹⁸. И вот после смерти этого человека, который был словно окружен ореолом святости, вдруг оказалось, что он торговал наркотой и даже был наркобароном! Кому эта пощечина? Чья репутация пострадала? Партии и правительства. Я являюсь заместителем начальника уездного правительства и отвечаю за взаимодействие с правоохранительными органами, и если все это окажется правдой, то я буду нести главную ответственность! Я не собираюсь перекладывать ее на других, сегодня я позвал вас, чтобы дать вам задания. Нужно выяснить, действительно ли Линь Вэйвэнь торговал наркотиками. Если нет, то тогда ничего, все в порядке. Если да, то я понесу ответственность, и ни о каком повышении и речи быть не может, скорее, наоборот, – снимут с должности! Инью, я тебе доверяю больше, чем остальным заместителям, Вэй Цзюньхун, у тебя самый гибкий и живой ум среди полицейских. Вы двое – словно талантливый полководец и солдат отборных войск, самые лучшие кадры. Пожалуйста, не обманите мои доверие и ожидания, прошу вас!

Последнюю фразу начальник Нун говорил уже стоя. Потом он еще и поклонился Хуан Инью и Вэй Цзюньхуну, поклон был низким, в пояс, так обычно кланяются японцы.

Вэй Цзюньхун вышел из кабинета, но по-прежнему пребывал в раздумьях: почему стол начальника был такой большой? Намного больше, чем раньше. Или это у него что-то с головой? Он не понимал, поэтому задал вопрос Хуан Инью:

– Начальник Хуан, вам не показалось, что стол у начальника Гао стал больше, чем был раньше?

– Показалось.

– А это тот же стол, что и раньше?

– Да.

---

¹⁸ Чэнь Гуанбяо (род. 1968) – китайский предприниматель, владелец компании, занимающейся переработкой отходов. Он известен своей благотворительной деятельностью. Во время землетрясения в Сычуани в 2008 г. он организовал спасательную операцию и пожертвовал более 15 миллионов долларов на устранение последствий. Его состояние оценивается в 750 миллионов долларов, которые он завещал на благотворительность.

– Но почему раньше он нам не казался таким огромным, а сейчас кажется?

Хуан Инъу остановился и посмотрел на Вэй Цзюньхуна:

– Ты не понимаешь?

Тот отрицательно покачал головой.

Замначальника вздохнул и произнес:

– Я же тебе давал отгул, чтобы ты показался врачу, проверился. И почему ты не пошел? Вот зря тебе начальник сказал, что у тебя самый гибкий и живой ум!

– Может, у меня что-то с головой? Объясните, пожалуйста!

– Это потому, что кабинет начальника стал меньше, ты разве не заметил? Согласно «Восьми правилам»¹⁹, кабинет с восьмидесяти квадратных метров сократили до двадцати восьми. Естественно, в маленьком кабинете стол стал казаться больше.

Вэй Цзюньхун словно внезапно прозрел. Он стукнул себя по голове и догнал уже успевшего отойти Хуан Инъу:

– Начальник Хуан, боюсь, я не справлюсь с заданием начальника Гао, у меня голова не работает и интеллект слишком низкий.

– А тут и не нужен высокий интеллект, понадобится твоя коммуникабельность, – ответил на это Хуан Инъу.

– С этим у меня тоже проблема.

Хуан Инъу молча продолжал идти вперед и уже входя в свой кабинет на ходу бросил:

– Сейчас должность заместителя начальника угрозыска все еще свободна, поэтому просто думай о том, что ты хочешь занять это место, и твоя коммуникабельность повысится.

Чтобы подкрепить свою фразу, Хуан Инъу поднял указательный палец и потряс им:

– А если ты думаешь о месте повыше, чем место заместителя начальника угрозыска, например начальника управления или даже департамента, то ты очень толковый.

Стоя перед полуоткрытой дверью в кабинет заместителя Хуана, Вэй Цзюньхун обдумывал сказанное им, словно молодой монах обдумывает наставления старого монаха.

Уже смеркалось, когда Вэй Цзюньхун прибыл в начальную школу Наляна. Было темно, но он был полностью уверен в себе. Уже от ворот он позвонил Лун Мин и попросил ее открыть их. Она пришла, но сразу открывать не стала, а сначала спросила:

---

¹⁹ В 2012 г. генеральный секретарь Коммунистической партии Китая Си Цзиньпин ввел «Восемь правил», направленных на улучшение стиля работы партии и установление связи с народом. Эти правила призваны, в первую очередь, устранить так называемые «четыре стиля»: формализм, бюрократизм, гедонизм и расточительство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.